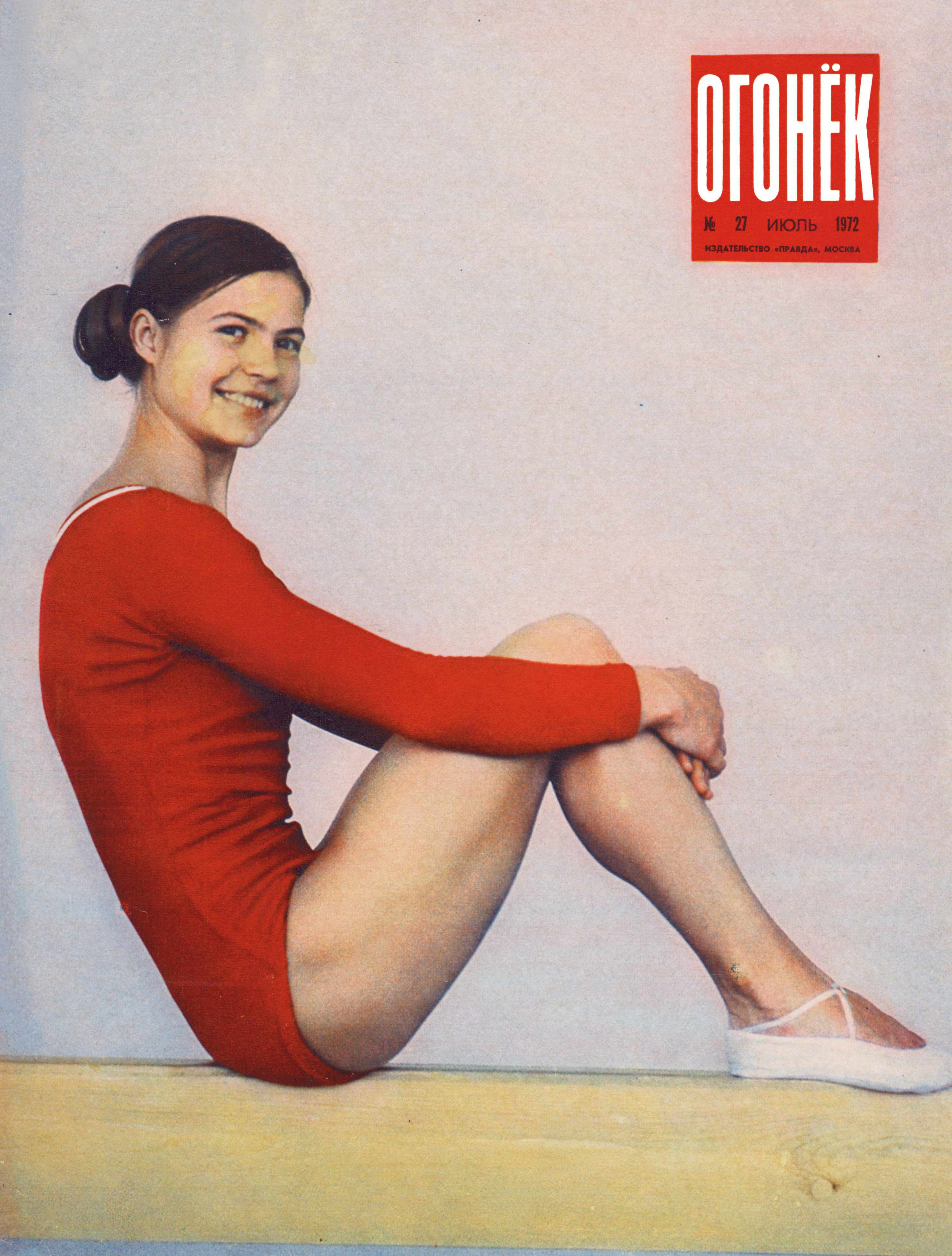

ОГОНЁК
№ 27 ИЮЛЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

26 июня Москва встречала дорогого гостя — по приглашению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства с официальным дружеским визитом прибыл Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы и Премьер-Министр Революционного правительства Республики Куба товарищ Фидель Кастро Рус.

На Внуковский аэродром, украшенный государственными флагами Республики Куба и Советского Союза, встретить высокого гостя прибыли Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС А. Я. Пельше, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Н. Новиков, министры СССР А. А. Громыко, А. А. Гречко, Н. С. Патоличев, Б. П. Бугаев, В. П. Елютин, Н. А. Щелоков, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов, посол Советского Союза в Республике Куба Н. П. Толубеев, первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС О. Б. Рахманин, первый заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям И. В. Архипов, другие официальные лица.

Вместе с товарищем Фиделем Кастро Рус в Москву прибыли член секретариата ЦК КП Кубы, министр Революционного правительства Карлос Р. Родригес, член ЦК КП Кубы, руководитель сектора сафры майор Диоклес Торральба Гонсалес, член ЦК КП Кубы майор Флавио Браво Пардо, член ЦК КП Кубы, министр труда капитан Хорхе Рискет Вальдес, член ЦК КП Кубы капитан Османи Сьенфуэгос Горриаран, член ЦК КП Кубы, министр пищевой промышленности Хосе Наранхо Моралес, член ЦК КП Кубы, министр основной промышленности Жоэль Доменеч Бенитес, член ЦК КП Кубы, командующий гаванской армией майор Арнальдо Очоа Санчес и другие официальные лица.

В тот же день в Кремле имела место дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. В. Подгорного, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгина, члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС тов. А. П. Кириленко с Первым секретарем ЦК КП Кубы, Премьер-Министром Революционного правительства Республики Куба тов. Фиделем Кастро Рус.

Во время встречи состоялась беседа по интересующим обе стороны вопросам.

В беседе, проходившей в братской, сердечной атмосфере, приняли участие: с советской стороны — секретарь ЦК КПСС тов. К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР тов. А. А. Громыко, член ЦК КПСС тов. К. В. Русаков;

с кубинской стороны — член секретариата ЦК КП Кубы, министр Революционного правительства Республики Куба тов. Карлос Рафаэль Родригес.

Встреча на Внуковском аэродроме.

Фото А. ГОСТЕВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 27 (2348)

Основан 1 апреля 1923 года

1 ИЮЛЯ 1972

ПРОГРЕССИВНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО СОЛИДАРНО С ВЬЕТНАМОМ

С 15 по 18 июня Демократическую Республику Вьетнам посетила советская делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным. Мировая общественность приветствовала этот визит как еще одно яркое подтверждение решимости советского народа и впредь развивать и укреплять отношения дружбы, боевой солидарности и сотрудничества СССР и ДРВ. Прогрессивные люди планеты горячо приветствуют мысли, выраженные в сообщении о пребывании в ДРВ советской делегации, обращая особое внимание на ту часть сообщения, в которой указывается, что «Коммунистическая партия Советского Союза, правительство СССР, весь советский народ оказывают и будут впредь оказывать необходимую помощь и поддержку вьетнамскому народу в его справедливой борьбе против империалистической агрессии, за свободу и независимость своей родины».

В комментариях итогов ханойской встречи зарубежная печать отмечает, что СССР и ДРВ решительно осудили агрессивные действия США против Демократической Республики Вьетнам и потребовали от США немедленного и безусловного прекращения бомбардировок, обстрела и минирования портов ДРВ, прекращения политики «вьетнамизации» в Южном Вьетнаме и возобновления парижских переговоров по мирному урегулированию вьетнамской проблемы.

Последние сообщения из Южного Вьетнама свидетельствуют о том, что патриоты наносят один сокрушительный удар за другим по американо-сайгонским войскам. Мстя за поражения на юге, американская авиация по приказам Пентагона продолжает варварские бомбардировки ДРВ. Умышленно разрушаются плотины и ирригационные сооружения в густонаселенных районах страны, выводятся из строя крупнейшие заводы и фабрики. Создается впечатление, что США пытаются уничтожить экономический потенциал ДРВ, не щадя мирного населения — женщин, детей, стариков. Эти вопиющие акты варварства, нарушающие международное право, вызывают законное и справедливое возмущение всего прогрессивного человечества, которое выражает свою полную интернациональную солидарность с героической борьбой мужественного, непоколебимого вьетнамского народа.

Эти акты беспримерной жестокости вызывают самый решительный протест всех советских людей. Корреспондент журнала «Огонек» попросил поделиться своими мыслями о событиях во Вьетнаме зачинателя стахановского движения среди комбайнеров первых советских пятилеток, Героя Социалистического Труда, ветерана Великой Отечественной войны, ныне доцента Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева Константина Александровича Борина.

— Я, как и весь советский народ,— сказал он,— полон возмущения варварством американской военщины против братского вьетнамского народа. Я хорошо помню войну, воздушные налеты на наши мирные города и села. Это была жестокость. Я не могу мириться с жестокостью по отношению к своим братьям-вьетнамцам. Я не могу оправдать предумышленное варварское нанесение бедствий другой стране, другому народу. Позор тем, кто это делает и поощряет.

Знаменитая стахановка, организатор пионерских дружин по уборке хлопка в годы первых пятилеток, ныне заведующая кафедрой иностранных языков Душанбинского государственного пединститута Мамлакат Нахангова говорит:

— Когда я читаю в прессе о бомбардировках Вьетнама, сердце мое наполняется гневом и болью. Гибнут памятники, школы, институты, заводы. Это — варварство! Оно должно быть решительно осуждено. Я думаю о невинных детях, которые гибнут во Вьетнаме. Нет и не может быть никакого оправдания варварству и жестокости.

Н. БОРИСОВ

По всей Японии проходят митинги и демонстрации протеста против американских бомбардировок ДРВ. На плакатах требование: «США, прекратите бомбардировку Северного Вьетнама!»

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Москва. 27 июня в Кремле начались переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. В. Подгорного, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгина с Первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министром Революционного правительства Республики Куба тов. Фиделем Кастро Рус и членом секретариата ЦК КП Кубы, министром Революционного правительства Республики Куба тов. Карлосом Рафаэлем Родригесом.

На снимке: во время переговоров.

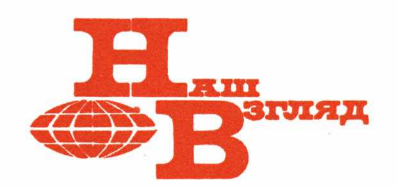
Фото В. Кошевого и В. Мусаэльяна (ТАСС).

Части противовоздушной обороны ДРВ дают достойный отпор воздушным пиратам США. Общее число американских самолетов, сбитых над ДРВ, достигло 3 686.

Фото ТАСС.

АЗИАТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Николай ПАСТУХОВ

Слова Редьярда Киплинга, певца британского колониализма: «Восток есть Восток, а Запад есть Запад»,— ставшие крылатыми в западной буржуазной публицистике, уже давно изжили себя. Они потеряли всякий смысл после рождения Страны Советов, социалистического содружества и коренных социально-политических перемен на азиатском континенте.

Вскоре после освобождения индийскими войсками Гоа мне удалось посетить городок Понда, в окрестностях которого тогда находился лагерь португальских военнопленных и представителей колониальной администрации. Из бесед с ними сложилось мнение, что эти люди, не знавшие других «истин», кроме киплинговских, оказались вынужденными переосмысливать свое бытие. Ведь за колючей проволокой было как-то не до спеси.

С тех пор прошло одиннадцать лет, но, к сожалению, этот процесс реального переосмысливания еще далеко не наступил в лондонских и лиссабонских колониальных штаб-квартирах, он не коснулся и Пентагона — уродливого детища военно-промышленного комплекса США. Современная жизнь дает убедительные доказательства того, что эти штабы безнадежно отстают от истории, от всего хода общественного развития как на Западе, так и на Востоке.

Народам Азии прежде всего нужен прочный мир, чтобы не растрачивать свои ресурсы на конфликты, а полностью их мобилизовать во имя экономического и социального прогресса. Эта задача не под силу каждой азиатской стране в отдельности и особенно в условиях, когда определенные политические круги Запада пытаются цепляться за старый империалистический принцип «разделяй и властвуй» и с помощью военных блоков СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС натравливают «одних азиатов против других».

Страны же Азии нуждаются в широком сотрудничестве, особенно экономическом, в полном использовании преимуществ международного разделения труда. Другими словами, им нужно единство, которое, в свою очередь, может быть гарантировано только созданием эффективной системы коллективной безопасности. Эта идея, как известно, была выдвинута Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым 7 июня 1969 года на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве и конкретизирована в его речи 20 марта этого года на XV съезде профсоюзов Советского Союза. Как отметил Леонид Ильич Брежнев, действительный путь к безопасности в Азии — это не путь военных блоков и группировок, не путь противопоставления одних государств другим, а путь добрососедского сотрудничества.

Советская инициатива выражает суть ленинского внешнеполитического курса защиты мира, свободы и безопасности народов. Наша страна с первых дней своего существования уделяла большое внимание азиатским проблемам, тем более что две трети ее территории, как известно, находятся в Азии. «Россия,— отмечал В. И. Ленин,— географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии».

Предложение, выдвинутое СССР, дает возможность народам Азии создать новую систему межгосударственных отношений, которая приведет к торжеству принципов мирного сосуществования на континенте. Заключенные Советским Союзом в последнее время договоры с Египтом, Индией и Ираком создают добрую политическую атмосферу для активизации коллективных усилий на пути обеспечения безопасности.

Одним из ярких и обнадеживающих примеров этих усилий является индийско-пакистанская встреча в верхах между Индирой Ганди и З. Бхутто. Индия и Бангладеш заключили договор о мире, дружбе и сотрудничестве. Индийская газета «Нью эйдж» выражает надежду, что «Пакистан, Афганистан, Индия и Бангладеш могли бы первыми образовать зону плодотворного сотрудничества». «Премьер-министр Японии Сато,— пишет газета «Иомиури»,— прямо заявил, что выдвинутая Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым идея заслуживает того, чтобы ее изучить». К советской инициативе проявили интерес премьер-министр Малайзии Абдул Резак, министр иностранных дел Индонезии Адам Малик. В правящих кругах Малайзии, Филиппин, Сингапура, Индонезии и Таиланда происходят дебаты о возможности нейтрализации Юго-Восточной Азии. Обращает на себя внимание тот факт, что Таиланд и Филиппины, войска которых принимали участие в интервенции на территории Южного Вьетнама, недавно вывели их оттуда. «Сама мысль о нейтрализации Юго-Восточной Азии,— пишет филиппинский журнал «Грэфик»,— зародилась благодаря событиям, которые безвозвратно изменили лицо мира... Она зародилась в результате провалов стратегии империалистов в Индокитае».

Советское предложение о создании системы коллективной безопасности в Азии встретило самый широкий отклик и глубоко изучается общественными, политическими и государственными кругами в столицах этого континента. «Претворение советской идеи в жизнь,— пишет непальский еженедельник «Самикша»,— укрепило бы развивающиеся страны Азии в борьбе против сил империализма, посягающих на их национальную независимость и суверенитет, позволило бы значительно сократить их военные расходы и ускорить подъем их экономики». «Уже принимаются меры к созыву общеевропейского совещания по вопросам сотрудничества и безопасности,— отмечает афганская газета «Караван».— Спрашивается: если в Европе наметились сдвиги в направлении установления сотрудничества, то почему бы не предпринять таких же шагов в Азии?»

Совершенно очевидно, что создание системы коллективной безопасности на азиатском континенте — вопрос далеко не простой. Но какие бы тучи ни сгущались над Азией, они уже не в состоянии изменить общего политического климата на континенте, климата мира и социального прогресса. Азиатская общественность приветствует советскую инициативу и предпринимает практические шаги на пути ее претворения в жизнь.

ВСТРЕЧА С ГЕРОЯМИ

На днях «Огонек» принимал дорогих гостей — героев первых пятилеток. В редакцию приехали прославленные зачинатели стахановского движения, строители Магнитки, Днепрогэса, Метростроя — люди, чьи имена вошли в легенды. Шахтеры, металлурги, земледельцы, машиностроители рассказывали о себе, о своей героической молодости, о великой дружбе, сплотившей народы нашей страны.

Подробный отчет об этой встрече будет опубликован в одном из ближайших номеров журнала.

На снимке в первом ряду: **Мария Ивановна Виноградова,** заместитель директора Центрального научно-исследовательского института промышленности лубяных волокон; **Леонид Георгиевич Анкудинов,** почетный гражданин Магнитогорска, заместитель начальника Управления черной металлургии Минтяжстроя СССР; **Петр Федорович Кривонос,** начальник Юго-Западной железной дороги; **Алексей Григорьевич Стаханов,** помощник главного инженера шахты 2/43 треста «Торезантрацит»; **Мамлакат Нахангова,** кандидат филологических наук, заведующая

ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

кафедрой иностранных языков Душанбинского пединститута; **Мария Софроновна Демченко**, знатный свекловод страны;

Во втором ряду: Константин Александрович Борин, доцент кафедры сельскохозяйственных машин Академии имени Тимирязева; **Сергей Васильевич Любовенко**, секретарь парткома шахты 2/43 треста «Торезантрацит»; **Мария Гавриловна Белик**, бетонщица первого Днепрогэсстроя; **Татьяна Викторовна Федорова**, заместитель начальника московского Метростроя; **Александр Харитонович Бусыгин**, знатный кузнец; **Илья Иванович Коробов**, доктор технических наук, профессор Днепропетровского металлургического института; **Иван Иванович Гудов**, инициатор стахановского движения в станкоинструментальной промышленности; **Елена Алексеевна Джапаридзе**, дочь одного из 26 бакинских комиссаров, строитель Магнитки; **Михаил Моисеевич Привалов**, главный сталеплавильщик Главного управления металлургической промышленности.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

ЦВЕТОК ЖИЗНИ

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото Н. Ананьева.

Познакомьтесь: Ира Григорьева и Боря Некрасов.

«Дом малютки»

1942 ГОД. 41-й номер «Огонька». Здесь был опубликован фоторепортаж из ленинградского Дома малютки. На снимках — ребята, занятые обычными детскими делами. А подпись гласит: «Здесь живут дети, родители которых погибли от рук гитлеровских бандитов. Ленинградцы окружают заботой малышей. Вот Оля Сорокина — у нее нет ни отца, ни матери. Вову Истратенко наши бойцы нашли умирающим среди трупов женщин, детей и стариков, расстрелянных фашистами в Малой Ижоре».

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

ИЗ ПОДВАЛОВ — К «СОЛНЫШКУ»

Когда я показал эти фотографии Марии Михайловне Шарый, которая всю блокаду провела в Ленинграде, она коротко вздохнула: «Такие ребята были и у нас — в детском саду Выборгского района. Мы жили в подвале школы, превращенном в бомбоубежище. Боже мой, что это была за жизнь! Вы никогда не видели, как умирают дети?.. До войны я тоже не видела... Сначала так плакала, что сердце заходилось. А потом привыкла. Страшная это привычка — спокойно смотреть, как на лице ребенка застывает удивление — ведь он не понимает, что с ним происходит,— а потом заворачивать трупик в холстину и относить на пустырь: хоронить не могли, не было сил. И все же многих ребят мы спасли. В самые страшные дни зимы сорок второго года дети получали 75 граммов замешанного на отрубях хлеба и блюдечко кашицы, сваренной из заплесневевшей муки. Но больше всего страдали от темноты: на все бомбоубежище одна керосиновая плошка. Чего у нас было в достатке, так это игрушек — приносили из разрушенных домов...

Весной пришел приказ об эвакуации. Три раза пересекала я Ладогу по льду на автомашинах и дважды — на буксирах. Сколько машин с детьми ушло под лед, сколько потоплено буксиров и барж! Однажды на наш буксир с детьми, едва он отошел от берега, налетели «мессеры». Бомбы падали совсем рядом. И вдруг с разных сторон бухты к нам бросились все суда и начали кружить вокруг буксира. Там были и военные катера и транспорты, одним словом, более выгодные мишени — и все они приняли огонь на себя...

Большинство ребят попадало к нам без документов, а свои фамилии они не помнили. Так что я их записывала на одну фамилию — Неизвестный. Если бы вы знали, сколько ленинградцев так и остались с этой фамилией... И все же после войны отцы многих ребят нашлись. А вот матерей почти не осталось — умерли в блокаду...»

...Женщина умолкла, и вдруг ее напряженно-спокойный голос треснул: «Ребятки вы мои дорогие! Дай бог, чтобы вы выжили!» Она плакала, не вытирая слез, и ее руки бережно поглаживали пожелтевшие снимки...

Низкий вам поклон, Мария Михайловна, и вечная благодарность от всех детей войны, от тех, кто остался жив благодаря вам и сотням безвестных воспитательниц детских домов...

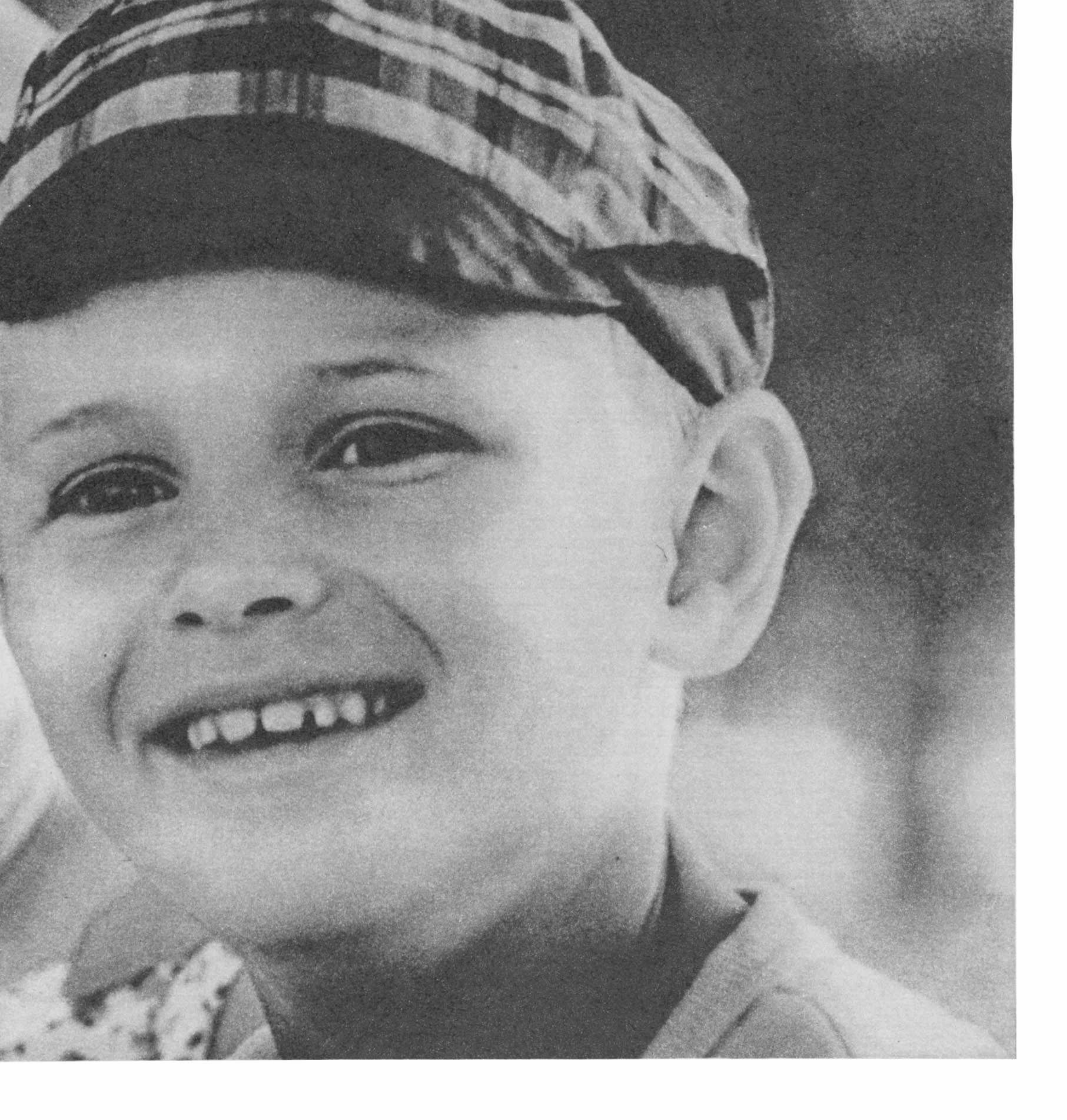
Потом я показал огоньковские фотографии заведующему Ленинградским городским отделом народного образования Н. И. Козинову и спросил:

— Теперь в детские сады ходят дети тех, о ком рассказывал «Огонек» тридцать лет назад. Как живут эти ребята?..

— По-моему, хорошо,— улыбнулся Николай Иванович.— Сейчас у нас 1 108 детских садов и яслей. В них — 140 тысяч малышей. Былых очередей практически нет: любая семья может определить своего ребенка в детский сад. И это несмотря на то, что мы задались целью «пропустить» всех дошколят через детские сады.

— Чем это вызвано?

— Доказано, что ребята, которые приходят в школу из детского сада, гораздо лучше учатся и меньше устают, чем дети «домашние». А если учесть, что программа первого класса

Пусть всегда будет солнце.

стала гораздо сложнее, знания, которые дают в подготовительных группах детских садов, просто необходимы. Выиграют и родители, и школа, и сами ребята!

Нельзя забывать и о том, что Ленинград — город северный. Многие дети склонны к простудным и легочным заболеваниям. Для них мы создали дошкольный санаторный городок «Солнечное», или, как его любовно называют ленинградцы, «Солнышко». За восемь лет там побывало свыше сорока тысяч малышей. И дети и родители в восторге от «Солнышка». Да что там говорить, поезжайте, сами увидите...

ПОДАРОК

Моими проводниками были семилетние Вера Ружецкая и Боря Некрасов. Они взялись за руки и, нырнув между расставленных ног Гулливера, попали в лабиринт сказок. Я пролезть туда не смог и с завистью смотрел, как ребята отгадывают одного за другим героев сказок и таким образом выбираются из «тупиков». В конце концов они добрались до самолета, влезли в кабину, а оттуда — вжик! — и по желобу на животе вниз.

Потом по аллее грибов мы вышли к мотодрому. Здесь случилась «авария»: при въезде в тоннель столкнулись две машины. Вера бросилась в санитарную «Волгу» и, изо всех сил нажимая на педали, помчалась к месту «аварии».

— Она медсестра,— пояснил Боря. — А регулировщиком сегодня Леша. Сейчас он накажет нарушителей и отправит их слушать лекцию о правилах уличного движения...

Потом мы вышли на берег Финского залива, и ребята показали старинную крепость с башнями, бойницами и настоящей бронзовой мортирой. А в бухте дремали парусники, галеры и быстроходный современный катер.

По дороге ребята рассказали, что живут здесь уже полгода и за это время ни разу не болели, а раньше все время кашляли и чихали. Тогда же я узнал, что у Бори папа — сварщик, у Веры — шофер и что их родители приезжают в «Солнышко» по воскресеньям.

— Вот и наш корпус! — обрадовалась Вера.— Видите, во всю стенку из цветных камушков выложен Кот в сапогах. На соседних домах — Буратино, Жар-птица, Золотая рыбка.

— А на водонапорной башне — Икар,— солидно комментировал Боря.— Он собирается лететь на Солнце, но у него ничего не выйдет: там очень жарко и повышенная радиация...

Вера и Боря долго водили меня по своему корпусу, показывали спальню, столовую, зал игр, живой уголок, библиотеку. А когда ребят позвали обедать, я снова отправился бродить по «Солнышку», занимающему десять гектаров. Сосны, море, песчаный пляж, аттракционы, открытый театр, хрустальный домик оранжереи, металлическая ограда, похожая на развешанные рыбацкие сети. Чудесный подарок ленинградским малышам!

ЕСЛИ ВСМОТРЕТЬСЯ И ВСЛУШАТЬСЯ...

На следующий день я снова встретился с Николаем Ивановичем, и он рассказал о том, как в Ленинграде осуществляется переход на всеобщее среднее образование, о строительстве новых школ, о том, что почти во всех 515 школах занятия ведутся уже только в одну смену и некоторые уроки проходят не в классах, а в специально оборудованных кабинетах. А когда речь зашла о самом процессе обучения, Николай Иванович восторженно рассказывал о педагогах, которые умеют научить детей думать, размышлять.

— Объясню на примере. В четвертом классе 209-й школы учительница Арская на уроке русского языка дает ребятам письменное задание: «Чем, по-вашему, отличаются слова «смотреть» и «всмотреться», «слушать» и «вслушаться»?» Вот что пишут дети. «Идет по лесу человек. На шее транзисторный приемник, рядом — шумная компания. Шумят, кричат, смеются и слышат только самих себя. А вот другой человек: идет по лесу и тихо улыбается. Он не просто улыбается, он вслушивается. И все ему слышно: и голоса птиц, и шум ручья, и шелест листьев».

Другой ответ: «Возьмешь в руки травинку, посмотришь на нее — слабенькая, разорвать ничего не стоит. А вот залили люди улицу асфальтом — крепким, черным. И вдруг трещина — пробилась травка, взломала асфальт, а кажется, что слабенькая. Вот что такое травинка, если всмотреться!»

...Есть в Ленинграде физико-математическая и химико-биологическая школа-интернат № 45, где занятия ведут преподаватели и профессора университета. По совету заведующего гороно я побывал в этой школе. Разговор с завучем начался несколько неожиданно.

— Терпеть не могу слово «вундеркинд»! — решительно заявил Г. М. Ефремов.— Есть в нем что-то от... флюса. Да-да, не морщитесь! Ребенок, развитый однобоко, с большими знаниями, скажем, в математике и полный профан в литературе или истории, похож на флюс при зубной боли. Чтобы избежать этого, мы с самого начала решили: математика математикой, физика физикой, но, кроме этого, каждый школьник обязан прослушать двухгодичный цикл лекций в Эрмитаже и Русском музее, заниматься спортом, иметь абонемент на симфонические концерты в филармонию, участвовать в экспедициях и раскопках, которые мы ежегодно ведем в Кандалакшском заповеднике и Херсонесе...

Спор о физиках и лириках у нас завершился довольно своеобразно: из 360 будущих физиков, химиков, математиков и биологов 120 пишут приличные стихи. Мы даже издаем свой рукописный альманах. Наши школьники — это очень одаренные мальчики и девочки. И, что особенно приятно, почти все они из сельских местностей, прошли всевозможные конкурсы, олимпиады. Мы принимаем ребят, спо-

В БИТВЕ ЗА ХЛЕБ

Морозный, ветреный декабрь 1954 года. На территорию будущего совхоза в Кзыл-Туском районе Северного Казахстана прибыл тракторный поезд.

«Было утро. Над степью только что взошло солнце... Первое, что бросилось в глаза,— березы. Небольшие рощицы — колки, как их тут называют, ласкали взор. Единодушно решили: новый поселок привяжем к участку так, чтобы не срубить ни одной березки».

Вечером того же дня в приказе было записано, что директор совхоза Ф. Моргун «приступает к исполнению своих обязанностей».

Одиннадцать лет трудился на целине Федор Трофимович Моргун, и вот теперь рассказывает об этих годах, о людях, работавших бок о бок с ним, о массовом трудовом героизме новоселов, превративших освоенные ими целинные и залежные земли в крупнейшую житницу страны.

Время летит быстро, уже стали взрослыми, окончили десятилетку дети тех молодых, кто по призыву партии отправился в казахстанские степи из разных районов Советского Союза. И все-таки эти восемнадцать лет — удивительно короткий срок, если учесть, что за эти годы целина дала около десяти миллиардов пудов хлеба, что за эти годы в безлюдной степи выросли огромные совхозы — миллионы гектаров возделанных полей, бесчисленные новые поселки со школами, больницами, клубами.

Казалось бы, скупо и немногословно рассказывает об этом Ф. Моргун, а перед читателем разворачивается увлекательная, глубоко волнующая повесть о том, как создавался и рос один из крупнейших в республике совхоз «Толбухинский», как создавались, росли и выходили в передовые многие другие хозяйства, как росли и мужали люди, накапливали знания и опыт, совершенствовали высокое искусство хлебороба.

«Но все это далось нелегко»,— замечает автор и ведет речь о трудностях, вставших на пути нового дела, о трудностях, зависящих от суровых природных условий, и о тех, которые создавались людьми: об оторванных от сельскохозяйственной практики административных указаниях, в которых не учитывались местные условия, о волевом исключении чистых паров из севооборота, о неоправданных задержках с выпуском новой техники, в частности трактора «К-700», созданного на Кировском заводе.

В борьбе с этими трудностями Ф. Моргун принимал самое непосредственное участие. Так, например, уже будучи секретарем райкома партии, он потребовал от руководителей совхозов немедленно запахать засеянные, но обильно засоренные сорняками площади, а несколькими годами позже, находясь в должности первого заместителя председателя Целинного крайисполкома и начальника Целинного краевого управления сельского хозяйства, предложил отказаться от звеньевой системы, навязываемой совхозам, и вернуться к бригадной форме, сохранив звенья лишь там, где они себя оправдали.

Ф. Моргун пересказывает свои страстные и принципиальные выступления на различных совещаниях, подробно передает памятный разговор с Л. И. Брежневым, оказавшим немедленную практическую помощь в решении важнейших целинных проблем.

Агроном по образованию, великолепный практик и талантливый и по-государственному мыслящий руководитель, прекрасно знающий людей, с которыми он работает, Ф. Моргун на основе своего огромного опыта приходит к заключению, правота которого доказана самой жизнью: «...Земледельческое мастерство на родной советской земле неиссякаемо и не надо наших земледельцев поучать по всякому поводу. Нужно создавать людям такие условия, чтобы они сами решали сложные вопросы агротехники, выбирали наилучшую для своих мест систему земледелия».

Особо подчеркивает Федор Трофимович Моргун заботу партии и Советского правительства об укреплении целинных хозяйств, все возрастающую материально-техническую помощь целинникам — тот прочнейший фундамент, который предопределяет дальнейшие успехи и в росте производства зерна и в развитии животноводства.

Заканчивая свои записки, автор говорит о том, что стремился показать людей, совершивших славный трудовой подвиг освоения целины. Эту задачу он выполнил превосходно: десятки запоминающихся, ярких характеров и судеб встают со страниц его повествования.

И еще одна важнейшая тема раскрыта в нем — впечатляюще, убедительно показано, как в битве за хлеб рождаются многонациональные коллективы, как крепнет дружба народов СССР, основа для которой — совместный труд на благо Родины, совместные усилия в великом общем деле строительства коммунизма.

«У нашего народа слово «хлеб» всегда означало не только пищу,— пишет Ф. Моргун. — Оно было, есть и будет широким понятием, определяющим отношение каждого человека к труду, к своим товарищам, к семье». Вот почему «Хлеб и люди» — это прежде всего интереснейшая и полезнейшая книга о прекрасном нравственном облике советского человека, труженика, подлинного героя наших дней.

Н. ЦВЕТКОВА

Ф. Моргун. Хлеб и люди. Журнал «Москва» № 6 за 1972 год.

собных глубоко и оригинально мыслить, хотя и не все они умеют решать те задачи, которые некоторые школьники с помощью репетиторов научились щелкать, как орехи. Этот принцип полностью себя оправдал: на всех городских олимпиадах неизменно побеждают наши ребята. Они и среди победителей всесоюзных, международных школьных олимпиад. Вот, кстати, идут члены сборной страны: физики Сережа Правоторов, Лева Вайдман и математик Саша Меркурьев.

...Поздоровались. Сели в пустом классе. О чем говорить, не имею понятия: физику и математику безнадежно забыл. Умоляюще смотрю на Георгия Митрофановича. Он делает вид, что ничего не замечает. Наконец я вспомнил, что где-то что-то читал о теореме Галуа. Откашлявшись, говорю, что кое-что запамятовал, и прошу Сашу объяснить эту теорему как можно популярнее. Саша понимающе кивает, бежит к доске и, ломая мел, исписывает ее сверху донизу. Я глянул на доску, понял, что так ничего и не понял, махнул рукой на субординацию и спросил:

— А на всесоюзной олимпиаде эта теорема была?

— Что вы! — улыбнулся Саша.— Там было семь не очень сложных задач. Правда, я начал с самых трудных, потом бросил, взялся за легкие, а когда снова вернулся к трудным, время истекло. В итоге — второе место.

— А я решил во что бы то ни стало разделаться со сложными,— сказал Сережа.— Но со всеми не справился. В результате не попал даже в «десятку» лучших физиков.

— Всегда ты так,— вставил Лева.— Задачки-то простенькие, а ты искал самое сложное решение, с которым знаком не каждый студент университета... Я же честно решил все задачи и занял второе место. А ты подготовлен лучше и мог бы победить...

— Ладно, на международной олимпиаде отыграюсь,— отмахнулся Сережа.— Если, конечно, попаду в команду. Пока мы кандидаты в сборную страны,— пояснил он.— Окончательный состав еще не утвержден.

— А что потом, после окончания школы? — спросил я.

— Будем поступать в университет,— ответил Саша.— Обычно наши ребята не проваливаются. А после защиты диплома их охотно берут в аспирантуру. С нами, кстати, занимается немало выпускников нашей школы, нынешних аспирантов и преподавателей университета.

— Ну что ж, ребята, ни пуха вам ни пера, а золотых медалей! — пожелал я на прощание.

НА «ДОРОГЕ ЖИЗНИ»...

Ленинград был, есть и будет городом, в котором забота о детях — предмет особой гордости. А чтобы ребята никогда не забывали о своих сверстниках, погибших во время блокады, чтобы помнили, какой ценой завоевано их счастливое детство, был построен памятник — Цветок жизни. Все школьники побывали у этого памятника, а многие помогали его строить.

Я знал, что первыми на высокий берег реки пришли ребята из 147-й школы.

— Это было четыре года назад,— вспоминает десятиклассница Таня Майорова.— Тогда мы жили в городском пионерлагере. И вот однажды к нам пришли авторы будущего памятника и сказали, что требуется наша помощь. Мы тут же взяли лопаты и поехали за город, на третий километр «Дороги жизни». От трамвайного кольца никакого транспорта, и эти три километра мы каждый день шли пешком. Сперва нас было только двадцать человек, а с первого сентября на стройку отправились всей школой... Осенью состоялось торжественное открытие памятника, и с тех пор мы над ним шефствуем: сажаем цветы, убираем снег, посыпаем песком дорожки. Ходим туда два раза в неделю и всегда встречаем кого-нибудь из взрослых — стоят и смотрят на цветок. Там на одном лепестке нарисован портрет мальчика: вероятно, многие считают, что он похож на их сына или дочь.

...К памятнику мы поехали на такси. Когда добрались до Ржевки, я попросил свернуть на «Дорогу жизни».

— А вам, собственно, куда? — спросила женщина-шофер.

— К Цветку жизни.

Она резко нажала на тормоз, помолчала, тыльной стороной ладони устало провела по глазам и решительно заявила:

— Поедем по старой дороге.

— Зачем по старой? — заволновалась наша спутница Таня.— Это дольше. Если вы не помните, как ехать, я покажу.

— Помню! — резко бросила шофер.— Так помню, что до сих пор вижу во сне! Каждую ночь!

Она снова замолчала. Потом извинилась и сказала:

— В сорок втором мне было десять лет... По этой дороге вывезли полуживую... Но я все помню. Все!

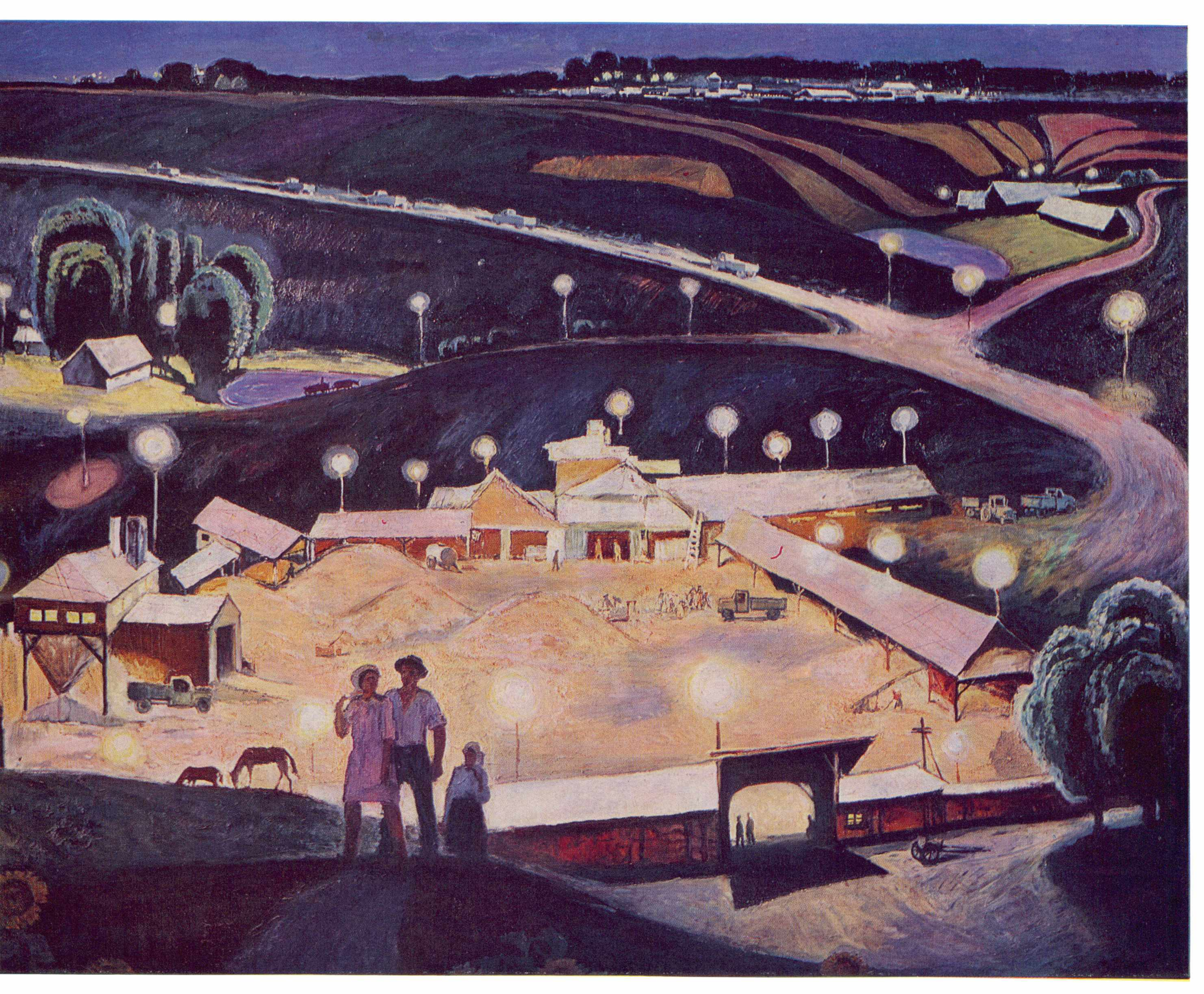
Промелькнул столб, обозначающий первый километр «Дороги жизни», потом второй... И вдруг над высоченными соснами, веселыми березками и строгими тополями поднялся неправдоподобно большой, ослепительно белый цветок. Как бы нарисованный неумелой детской рукой на кумачово-голубом закатном небе, он навсегда обращен к своему солнцу — городу Ленина. На четырех корявых лепестках нацарапано: «Пусть всегда будет солнце»,— а на пятом — исхудалое лицо мальчика. Запавшие глаза, хрупкая шея, редкая челка. И морщины... Морщины пожилого, много повидавшего и много испытавшего человека.

...Дети Ленинграда! Дорогие мои ровесники! Едва ли кому пришлось испытать то, что выпало на вашу долю, едва ли кто столько недоел, недоиграл, недоучился... Нет, никогда не забыть жутких дней блокады, не забыть товарищей и подруг, так и не проехавших по «Дороге жизни»... Лучшая память о них — безграничная забота о нынешних детях Ленинграда. Да вот этот Цветок жизни, выращенный среди колючей проволоки, валунов и танковых надолб...

Т. Яблонская (Киев). ЮНОСТЬ.

Выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

И. Виеру (Кишинев). ИЮЛЬСКАЯ НОЧЬ.

Выставка произведений художников Белорусской ССР и Молдавской ССР.

Аркадий САХНИН

В апреле 1971 года президент Чили объявил «Операцию правда». Пригласил представителей различных стран приехать в Чили, посмотреть, что же там происходит в действительности, и рассказать миру правду.

Ниже мы печатаем главы из книги участника «Операции» Аркадия Сахнина.

Сантьяго. Президентский дворец. Толстые, едва обхватишь рукой, стальные прутья перекрещивают огромные окна недосягаемо высокого первого этажа. Они потемнели от времени, слились по цвету с серыми стенами и не воспринимаются как решетки. Их великое множество и с фасада и на бесконечных боковых стенах, и кажется, поставлены они для украшения, хотя назначение их не вызывает сомнения. У арки главного входа со стороны площади Конституции — карабинеры. Отглаженные темно-зеленые кители, черные галстуки, зеркально-черные краги, белые перчатки, белые сорочки, белые ремни. У входа застыли двое с карабинами, приставленными к ноге, трое — под аркой.

Лица торжественны и строги. Неприступны и величественны фигуры. Они откровенно подчеркивают свою важную миссию и, кажется, несут на себе всю меру ответственности за спокойствие в этом дворце, в столице, в стране. Пройти мимо арки надо в отдалении от них, молча и тихо. Таково впечатление, так кажется. Но только кажется. По одиночке, группами и целыми толпами люди идут в президентский дворец, шумно беседуя, жестикулируя, смеясь. В огромном внутреннем дворе растекаются по разным крыльям здания или, миновав фонтан и вторую арку, где тоже стоят карабинеры, выходят на площадь Бульнес, ибо это самый короткий путь сюда с площади Конституции.

Длинная и крутая лестница, прилегающая к одной из внутренних стен дворца, привела нас в зал не то на втором, не то на третьем этаже, где предстояла первая встреча с президентом. Ни фойе, ни холла, ни коридора. С лестничной площадки — прямо в зал. Но дверей в него из глубин дворца много, больше десяти. Те, кто был сюда приглашен, пришли задолго до срока. Это деятели культуры, писатели, журналисты, служители культа из многих стран. Одни из них приветствуют коренные социальные преобразования, охватившие Чили, другие осторожно присматриваются и прислушиваются к тому, что происходит, третьи — открытые враги зарождающейся новой жизни.

В креслах, расставленных амфитеатром, пока еще никто не сидит. Но каждый припас уже себе местечко, положив на кресло пепельницу. Собираются группами, шумно разговаривают, бродят по залу, спорят. Смешиваются английский, чешский, французский, немецкий, итальянский, но слова этих языков заглушаются одним, господствующим повсюду. И не потому, что он энергичен, ярок, выразителен. И не потому, что испанский — это родной язык чилийцев. Просто широко представлены здесь Перу, Эквадор, Аргентина и другие страны Латинской Америки. Для них события в Чили имеют особое значение. Они говорят на одном языке, живут на одном континенте, их история и судьбы схожи. После Кубы Чили — первая страна в этом районе земного шара, где народ не только объявил свою волю, но и сделал решительный шаг на пути к полному освобождению от иностранной зависимости.

...Время приближается к шести. Все быстро рассаживаются. Только бесцеремонно суетятся, что-то кричат друг другу люди с кинокамерами, фотоаппаратами, магнитофонами, беспорядочно переплетая шнурами проходы между креслами.

Появление Сальвадора Альенде и его министров встречают аплодисментами. Он обходит ряды, знакомясь с присутствующими, и кажется, что с особой теплотой и улыбкой пожимает руки нам, представителям державы, впервые в мире утвердившей свободу на земле.

Президент произносит короткую речь. Объясняет, чем вызвана «Операция правда», рассказывает о положении в стране. Еще до этого, на пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Чили, Сальвадор Альенде говорил:

— Я располагаю комментариями зарубежной печати и вижу, как с каждым днем усиливаются атаки на то, что делает народное правительство и народ Чили. Несомненно, это делается для того, чтобы разжечь античилийскую кампанию. Мы прекрасно знаем это. Мы знаем также, что те, кто потерпел поражение и кто замешан в убийстве главнокомандующего чилийской армией генерала Шнейдера, еще продолжают скрытно свою деятельность. Правительство знает это. Оно сохраняет бдительность и опирается на единство народа.

— Когда я был министром в правительстве Педро Агирре Серда в 1939 году, мы организовали первую выставку, посвященную жилищному строительству,— сказал он.— Устроена она была на проспекте Аламеда, напротив клуба «Ла унион», в котором собиралась чилийская олигархия. На этой выставке левые архитекторы и инженеры продемонстрировали, что Чили не хватает трехсот двадцати тысяч жилищ. Сейчас в Чили не хватает четырехсот сорока тысяч жилищ. Эта проблема — одна из труднейших,— отметил президент.— Три миллиона семьсот тысяч чилийцев лишены канализации. Во многих домах люди живут по шесть-семь человек в комнатушке и по трое спят в кровати. Мы понимаем, что покончить с этим в короткий срок невозможно, но правительство предпринимает все меры, чтобы эта проблема решалась как можно быстрее.

Так президент изложил собравшимся трудности и проблемы, стоящие перед правительством Народного единства, где объединились социалисты, коммунисты, представители других левых партий и движений, наметивших генеральный план решения стоящих перед страной задач.

Президент говорил о том, что правительство в полной мере представляет и трезво оценивает огромные трудности, которые предстоит преодолеть. Но оно отчетливо видит успехи первых шагов. И желает, чтобы мир знал об этом правду.

— Все, кто приехал в Чили,— сказал Альенде участникам «Операции правда»,— имеют самую широкую и абсолютную свободу для бесед, встреч и дискуссий со сторонниками и противниками правительства, с поддерживающей нас печатью и оппозиционной прессой. Никто из вас не будет иметь препятствий, и никто из нас не думает их создавать из уважения к вам и к самим себе.

Президенту было задано много вопросов из самых различных областей жизни страны.

— Как представляет Народное единство облик нового человека? Как понять заявление о том, что Чили намерена воспитывать новых людей? Чем они будут отличаться от обычных?— спрашивает журналист из Аргентины.

— Мы исходим из того,— отвечает Альенде,— что природа капитализма античеловечна, что капитализм целиком базируется на эксплуатации человека человеком. Мы уверены, что при капитализме главная ценность — деньги,— этот строй сохраняет классовое неравенство, эксплуататоров и эксплуатируемых. Он зиждется на угнетении и подавлении. Мы верим в другие ценности. Под новым человеком мы понимаем продукт нового общества.

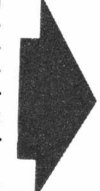
Отвечая на вопросы, Сальвадор Альенде рассказал о тяжелом наследии, с которым сталкивается новое правительство, о положении трудящихся и, в частности, о жилищной проблеме.

На следующий день участники «Операции правда» разъехались по стране.

За месяц пребывания в Чили я тоже повидал многое. Но прежде всего тщательнейшим образом изучил историю Рене Шнейдера, из которой следуют весьма существенные выводы.

КАК СВЕРШИЛОСЬ УБИЙСТВО

Сначала главнокомандующего сухопутными войсками чилийской армии генерала Рене Шнейдера хотели похитить. Но, должно быть, потом, в последнюю минуту решили, что лучше все же убить. Возможно, потому, что несколько попыток были неудачными и проваливались, а может быть, версия с похищением вовсе придумана обвиняемыми по этому делу, чтобы смягчить свою вину. Их человек тридцать, и почти по всем вопросам они дали противоречивые, а порой исключающие друг друга ответы. Но вот насчет способа устранения главнокомандующего будто сговорились. Все утверждали, что ни во время многочисленных подготовительных совещаний, где распределялись роли и разрабатывались планы, ни на репетициях нападения на генерала ни разу не

шла речь об убийстве. Только о похищении. И на вопрос: «Что такое «Операция Альфа»?» — отвечали единодушно: «Похищение генерала Рене Шнейдера». И почему вдруг в него стреляли, никто понять якобы не может. Но в конце концов не в этом главное.

Как два «пежо» и «додж» прижали к тротуару генеральский «мерседес», как ударил его сзади «джип», как побежали к «мерседесу» люди, на ходу вытаскивая «кольты», я не видел. Но путь от дома № 551 по улице Себастьяна Элькано в Сантьяго, где жил генерал и откуда выехал в свой последний рейс, я повторил. И побывал в тех переулках и на тех местах, где стояли машины заговорщиков, ожидая сигнала, где останавливалась полицейская машина, снявшая с постов двух карабинеров, которые, конечно же, могли помешать покушению. И разобрался в том, кто как действовал, кто какие машины вел, когда был получен сигнал о приближении генерала, кто стрелял и что произошло дальше. Поэтому всю историю с убийством мог бы описать подробно. Но поскольку эта история, вернее, техника убийства, интересовала главным образом, чтобы отчетливее представить себе роль различных людей в этом деле, с них я и начну.

Когда стало ясно, кто убил главнокомандующего и для чего это убийство понадобилось, я пошел к председателю Верховного суда Чили сеньору Рамиро Мендес, чтобы выяснить вопросы, оставшиеся неясными. Таких вопросов было несколько, о них тоже придется еще говорить, но прежде всего хотелось получить авторитетное разъяснение, почему не судят главных преступников. Ведь от каждого из участников заговора тянутся ниточки, и где-то они переплетаются так, что распутать их трудно, хотя и возможно, а где-то отчетливо видно, в каком месте они берут начало, куда идут и кто именно их так все время запутывает.

Председатель Верховного суда Рамиро Мендес — это один из правофланговых чилийской реакции. Беседовали мы два часа, и хотя общего языка не нашли и ясных ответов я не получил, но его взгляд на это дело оказался интересным с точки зрения расстановки политических сил. Значит, и к беседе с Рамиро Мендес надо будет вернуться.

А пока, чтобы яснее стала вся эта история, разберемся, кто же такой генерал Шнейдер, кому он мешал и кто его убил. И одни и те же ли это люди, у которых он стоял на пути и кто в него стрелял.

Генерал Рене Шнейдер Черо был человеком образованным и весьма разносторонним. Еще в молодости увлекался историей, изучал искусства и религии. Стремился постичь мир шире, чем он виделся из стен военной академии, где служил, с высот горного полка или дивизии, которыми командовал. Хорошо разбирался в живописи (сам ею занимался), музыке, литературе, изучал философию. Последняя книга, которую он прочитал, вернее, оставшаяся недочитанной на его столе, была посвящена идеям Маркузе.

При всех этих качествах он прежде всего был солдатом. Да и внешне походил на солдата. Коренастый, сильный, с большими солдатскими руками.

Рене Шнейдер не был сторонником левого демократического движения, хотя весь ход событий в Чили неумолимо приблизил его к идеям этого движения. Тем более он не был на стороне правых. Он любил армию и, искренне заблуждаясь, считал ее орудием надклассовым. «Роль армии,— заявил он,— защита от внешней агрессии и обеспечение внутренней безопасности и порядка, узаконенного конституцией». Эта формула, получившая название «доктрины Шнейдера», в принципе, видимо, правильна. И не станем упрекать генерала в том, что не смог он или не пожелал разбираться в том, как нарушалась конституция, и без того дававшая возможность иностранному капиталу властвовать в стране. Он защищал ту конституцию, которая существовала, и своей доктрине был верен до конца дней. Как увидим ниже, эта доктрина, милая сердцу господствующего класса на протяжении многих лет, вдруг обернулась против него. Генерал Шнейдер защищал это порождение национальной буржуазии и капитала США с удивительной настойчивостью и мужеством. Может быть, в силу того, что был солдатом, а возможно... возможно, далеко смотрел генерал и увидел новую ситуацию, созданную демократическими силами, при которой оружие буржуазии может быть направлено против нее. Теперь уже никогда не добиться ясности в этом вопросе. Впрочем, не станем навязывать никаких точек зрения. Пусть каждый сам разберется в фактах и сделает свои выводы.

На пост главнокомандующего армией Рене Шнейдер был назначен неожиданно, при обстоятельствах чрезвычайных. В мае 1968 года среди офицеров вооруженных сил началось брожение. Раздавались голоса о том, что правительство Фрея не заботится о своей армии, что офицеры живут в трудных материальных условиях и что дальше так продолжаться не может.

Президент встревожился. Немедленно был смещен министр обороны. Офицерам обещали рассмотреть и решить их проблемы в самом недалеком будущем. И волнения улеглись. Так казалось. Однако никаких изменений в армии не произошло, недовольство вновь стало нарастать, пока не кончилось взрывом.

21 октября 1969 года генерал Роберто Вио Марамбио, один из организаторов волнений, уволенный за это в отставку, поднял восстание в полку «Такна», находившемся в Сантьяго. Это было сигналом для полка «Юнге» в Сан-Филипе, где тоже поднялся мятеж. Создалась угроза военного переворота. (Кстати, военные перевороты в странах Латинской Америки не такая уж редкость, и они имеют давние традиции. Скажем, в Боливии за последние сто лет было около ста двадцати переворотов.)

Вот в такой критический момент, 24 октября 1969 года, Рене Шнейдер и был назначен главнокомандующим армией. Но это лишь одна сторона дела, и при этом не главная. К тому моменту в Чили происходили куда более глубинные процессы, встревожившие все политические силы. Это был период, когда окончательно сформировался мощный блок левых демократических партий. И нетрудно было видеть, что на предстоявших президентских выборах он явится весьма опасным конкурентом для реакции, рвавшейся к власти. Власть она ощущала почти реально, ибо за годы правления христианских демократов во главе с Фреем его правительство в достаточной мере скомпрометировало себя громкими декларациями, оставшимися на бумаге и в эфире. Поэтому в лице христианских демократов крайне правые не видели серьезного конкурента. Многочисленные разрозненные левые силы и их партии тоже не представляли опасности, пока каждая из них выставляла своего кандидата. А поначалу так и было: в первый период подготовки к выборам каждая из пяти демократических партий выставила своего кандидата. Но впоследствии левые силы объединились в единый блок и вместо пяти кандидатов выставили одного — Сальвадора Альенде. Так вот, единый блок всех демократических сил и общий кандидат — это уже весьма и весьма серьезно и до крайности опасно. Поэтому реакции было выгодно поддержать военный переворот, который опять-таки поставил бы ее у кормила.

Создавшаяся ситуация была ясна и демократическим силам, и они подняли трудящихся на подавление военного мятежа. Коммунистическая партия Чили разоблачала связи генерала Роберто Вио с реакционной национальной партией, разъясняла, что военный мятеж — это не конфликт между Фреем и армией, а угроза родине, попытка преградить путь народу к власти. Единый профсоюзный центр (КУТ) призвал население не поддерживать заговорщиков, разъясняя, что они действуют в интересах реакции. Все демократические партии и организации вступили в борьбу против заговора Вио. Начались массовые демонстрации и забастовки протеста против мятежа.

Этому натиску реакция нашла что противопоставить. Немало честных людей были сбиты с толку ее демагогическим лозунгом «Бороться против генерала Вио значит защищать правительство Фрея». Генерал Вио через реакционную печать кричал о том, что восстание носит локальный характер и восставшие остаются верны президенту и конституции, что военные никогда не пойдут против профсоюзов. Нам нет дела до борьбы правых и левых, которые представляют лишь отдельные категории населения, говорил Вио. Мы армия, представляющая весь народ, и за его интересы боремся.

Рупор реакции — широко распространенная газета «Меркурио» и другие ее органы настойчиво подменяли слова «бунт», «мятеж» словом «забастовка».

Коммунистическая и социалистическая партии, все силы Народного единства не уставая разоблачали лживость враждебной пропаганды. В своем интервью по радио Генеральный секретарь ЦК компартии Луис Корвалан вскрыл все корни антинародного мятежа.

Это был острейший момент борьбы объединенных демократических сил против наступления и маневров реакции. В этой борьбе победили блок Народного единства, профсоюзы, все трудящиеся. Восставшие полки сдались на милость правительству, а организаторы мятежа во главе с генералом Вио были отданы под суд.

Поскольку на этом деятельность Роберто Вио не заканчивается, а в последующих роковых событиях он будет играть решающую роль, видимо, следует представить его.

Генерал Роберто Вио, сын генерала Аброско Вио, мечтал не только о большой военной карьере. Властный, злой, мятущийся, слабохарактерный, он не мог скрыть, что в мечтах своих уходил далеко за пределы военных полигонов. Этому способствовало и то обстоятельство, что он довольно успешно продвигался по служебной лестнице. С должности командира полка президент Фрей назначает его на пост губернатора департамента Лао. Вио получает возможность установить тесные контакты с американскими хозяевами «Чили эксплорейшн компани». (Не с их ли помощью были получены генералом крупные суммы накануне восстания в «Такна», о чем сообщала чилийская печать?) Затем новое назначение — военный советник в Колумбии. В 1969 году его производят в генералы, и он становится командиром дивизии в Антофагасте — важном экономическом и стратегическом районе страны. Здесь и начал он будоражить офицерство и, получив отставку, отправился в Сантьяго, где и поднял бунт в полку «Такна».

Далее происходят вещи более чем странные, в обычные понятия не укладывающиеся. Мятежный генерал, которого должны судить, становится одной из популярнейших фигур в стране. Он дает интервью, выступает с призывами, его портреты воспроизводятся в реакционной печати. А после того, как блок Народного единства выставил кандидатуру Альенде, генерал Вио на многолюдном митинге совсем недвусмысленно намекает на то, что он готов стать президентом и «послужить родине». И не постеснялся при этом сообщить, как собирается править страной. «Я думаю,— сказал он,— что вновь будет утверждено Право Силы».

Конечно, и американские и чилийские владельцы медных рудников, селитры, заводов понимали, что этот недалекий и надутый чувством собственного величия генерал — фигура весьма неимпозантная и никаких шансов на успех не имеющая. Зато на любую провокацию, какой бы подлости она ни требовала, пойдет по первой указке. А положение реакционных сил складывалось так, что выбирать не приходилось. Они готовы были идти на самые крайние меры, только бы предотвратить катастрофу, которая станет для них неотвратимой, если к власти придет Народное единство.

Именно катастрофа. Вдумайтесь! Буржуазные конституции обычно провозглашают равные права для всех слоев общества, всех политических течений, для магната и рабочего. Так выглядит их показная конституция. На деле пути народа к реализации предоставленных ею прав ограждены непреодолимыми кордонами. И вот впервые в истории мира левые демократические силы зависимой от США страны создали условия, чтобы, не нарушая конституции, взорвать эти кордоны и строго на ее основе, пользуясь ею, как незыблемым законом, созданным национальной буржуазией и ее зарубежными партнерами для защиты своих интересов, вырвать у нее власть и освободиться от иностранного гнета.

Это нечто невиданное и неслыханное оглушило реакцию, напугало умеренно правых и многих центристов, привело в смятение одураченных жупелом коммунизма. Всем им еще не хотелось верить в нависшую угрозу, еще както надеялись, что не может это случиться на самом деле и вот-вот развеется наваждение, когда грянуло четвертое сентября. В мировой эфир понеслись слова: на выборах победил Альенде.

Эти слова объединили все антинародные слои общества в мощный кулак. Начался крестовый поход объединенных сил внутренней и внешней реакции, началось массированное наступление на все жизненные центры Народного блока под девизом «Не допустить Альенде к власти».

Но позвольте! Ведь голосование закончено, ведь он получил уже больше голосов, чем кандидат правых Хорхе Алессандри, чем представитель христианских демократов Радомиро Томич. А других конкурентов не было.

Все это верно. И тем не менее у реакции оставалось много возможностей продолжать борьбу за президентское кресло. Дело в том, что абсолютного большинства, то есть больше половины голосов избирателей, не получил ни один кандидат. По конституции в таких случаях окончательное решение, кому быть президентом, выносит сессия национального конгресса (парламент).

Практически у парламента не было иного выхода, как утвердить кандидата, набравшего наибольшее количество голосов. В истории Чили не было случая, чтобы парламент поступил бы иначе. Любое решение не в пользу Альенде при данных обстоятельствах объяснению не поддавалось бы. Однако за этот сомнительной стерильности шанс уцепились.

До заседания национального конгресса, где должен был окончательно решиться вопрос, оставалось семь недель. Этого времени, как полагала реакция, вполне достаточно для того, чтобы реализовать план, состоявший из двух разделов. Первый — найти хоть какую-нибудь возможность, хоть какой-нибудь повод, чтобы дать отвод Сальвадору Альенде. И второй — если даже такой повод и найдется, но не будет гарантии, что это принесет победу, совершить военный переворот до заседания конгресса.

Первый вариант, как весьма ненадежный, был вскоре отвергнут. Остался второй. Единственный и последний шанс. И вот тут-то фигура мятежного генерала Роберто Вио Марамбио выплыла на первый план. Для реакции это была удивительно подходящая кандидатура. Во-первых, с его помощью можно будет совершить переворот, и, во-вторых, он удовлетворится местом в правительстве, а в президентское кресло сядет более подходящий представитель капитала.

Главной преградой на пути к цели был Рене Шнейдер, который и в создавшейся сложнейшей обстановке подтвердил свою доктрину и заявил, что армия будет твердо стоять на защите конституции, обеспечит законное проведение национального конгресса, который и решит, кому быть президентом.

Это был патриотический шаг, требовавший от генерала большого мужества и личной храбрости, ибо он отчетливо видел обстановку в стране, в полной мере понимал, против каких вероломных и жестоких сил поднялся. Позицию Шнейдера разделял главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Порто Ангуло. Военный переворот при таких условиях затруднялся чрезвычайно. Но слишком велики были силы, готовившие его. Ловкий политический трюк реакции дал возможность досиживающему последние дни в президентском дворце Эдуардо Фрею на формально законных основаниях сместить адмирала, как только выяснилась его позиция. Вместо него Фрей назначил одного из реакционнейших представителей вооруженных сил, участника заговора адмирала Уго Тирадо Барраса.

На пути к осуществлению заговора осталась главная сила — Рене Шнейдер. Попытки подобным же образом убрать и его окончились провалом. Тогда и приступили к «Операции Альфа». Первый ее этап — шантажировать, запугать непокорного, создать ему невыносимые условия и заставить добровольно уйти со сцены. И невыносимое началось. В его квартире непрестанно звонили телефоны, грозные голоса угрожали расправой. Вокруг его дома бродили подозрительные, которые исчезали в темноте, как только появлялись карабинеры охраны. Жену генерала осаждали какие-то женщины, умолявшие повлиять на мужа. Приходили латифундисты, промышленники, уговаривали командующего не допустить к власти «марксистские» силы. Шли анонимные и неанонимные письма с угрозами и оскорблениями. Раздавались звонки с требованием ответить, где в данный момент находится генерал. Ни минуты покоя ни днем, ни ночью.

Бурлил Сантьяго. Гремели плакаты: «Не спи, чилиец,— на пороге русские». Надрывались репродукторы: «Остановить нашествие коммунистов». Тянулись очереди оформлявших свое бегство за границу. На площадях, в зданиях рвались бомбы. Началась финансовая паника. Саботаж на медных рудниках. Захлебывалась газета «Меркурио»: «Нация накануне гибели». Трагические фигуры женщин в черном, точно траурные процессии, опоясывали президентский дворец Ла Монеда.

Хаоса и паники в стране добивалась реакция, чтобы оправдать военный переворот. И первый шаг на пути к нему — ликвидация Рене Шнейдера.

Роберто Вио Марамбио лихорадочно готовил главный удар. В сговор с ним вступили начальник гарнизона Сантьяго — генерал Камило Валенсуэла, начальник корпуса карабинеров генерал Висенте Уэрта Селис, знали о заговоре президент Фрей и даже министр внутренних дел Патрисио Рохас, именно тот человек, чей пост и долг повелевали ему бороться против любых беспорядков и заговоров.

Заранее были распределены будущие портфели, заранее знали участники заговора, кто какие места займет после переворота в правительстве, в государственном и военном аппаратах. А ненавистный им генерал Рене Шнейдер, словно отвечая заговорщикам, не уставая повторял свою доктрину о том, что армия не даст нарушить конституцию. С подобными заявлениями он выступал в печати, на официальных встречах и приемах, перед офицерами, среди друзей и знакомых. И не только выступал. В кругах высшего командования, как в Сантьяго, так и в других городах, он нашел надежную опору. Он окружил себя верными долгу людьми, цементировал армию, объезжая войска, призывал верно служить родине.

Деятельность Рене Шнейдера подстегивала мятежного Вио к тому, чтобы быстрее убрать главнокомандующего. К этому делу он привлек более тридцати человек, главным образом молодежь из зажиточных и аристократических семей. Впрочем, весьма разношерстная это была группа — от профессионального уголовника Мельгосы, недавно вышедшего из тюрьмы, до сенатора Рауля Моралеса.

Заговорщики имели в своем распоряжении более десяти автомобилей, автоматические револьверы, карабины, гранаты, взрывчатку, бомбы, баллоны с одурманивающими и слезоточивыми газами, противогазовые маски, холодное оружие.

Все участники были разбиты на группы, каждая из которых выполняла строго определенные функции с точным распределением обязанностей внутри групп.

Наиболее деятельным участником заговора был адвокат Гильермо Карей — сын адвоката, обслуживавшего высшие слои аристократического общества, связанный с американским капиталом через меднорудную компанию «Анаконда». Этот тридцатилетний, весьма пробивной адвокат состоял в личной дружбе со многими влиятельными лицами, в том числе с президентом Эдуардом Фреем. Политические контакты заговорщиков с главарями внутренней реакции и направляющей силой из США и легли, кроме Вио, на Гильермо Карея, впоследствии сумевшего удрать к своим покровителям в Соединенные Штаты.

«Группу террористов», которая сеяла панику среди населения, взрывая бомбы в разных районах города, возглавил отпрыск весьма зажиточных родителей Энрике Арансибиа. На «группу снабжения» возлагалось обеспечение заговорщиков оружием и автотранспортом. Переправкой оружия из-за границы занимались Гильермо Карей и сенатор Рауль Моралес. Задача «особой группы», как показали потом на следствии ее участники, — похищение Рене Шнейдера, а в действительности — убийство его, ибо и сам факт убийства, и показания шофера главнокомандующего, и все материалы дела — это неопровержимое доказательство того, что даже попытки к похищению не было.

В «особую группу» входили уже названный выше уголовник Мельгоса, выходцы из семей крупной аристократии Аллан Лесли Купер и братья Искьердо — Диего и Хубио, являвшиеся студентами католического университета, активный сотрудник ультраправой газеты «Тисониа» Андрес Годфрей Видой, коммерсант Сильва Доносо и другие. Участникам этой группы были присвоены клички, и далеко не все знали друг друга по имени.

Было проведено несколько репетиций покушения на командующего. Для этого одну из машин, на которой, условно считалось, находится генерал Шнейдер, пускали по тому же маршруту, по которому обычно следует генерал. Последняя «генеральная» репетиция вполне удовлетворила Роберто Вио. Она проводилась глубокой ночью в районе Лос-Доминикос под командованием молодого фанатика из реакционного Алессандрийского легиона Луиса Гальярдо. Предоставленный отставным генералом Экктором Мартинесом Амаро «оппель», управляемый опытным водителем, мчался по городу, имея задание без остановок проехать до определенного пункта. С разных мест в погоню за ним пошли десять машин. «Оппель» был прижат к тротуару задолго до того, как достиг цели.

Настала пора действовать. Нападение на генерала назначили на 19 октября, в день годовщины мятежа в полку «Такна». Однако не это обстоятельство определило дату покушения. Просто случай представился в высшей степени подходящий, и Роберто Вио не упустил его. Дело в том, что 24 октября исполнялся год, как Рене Шнейдер занял пост главнокомандующего. По традиции, в этот день генералитет решил устроить ужин. Рене Шнейдер не мог отказаться от этой встречи, хотя решительно воспротивился против двадцать четвертого, ибо именно в этот день предстояла сессия национального конгресса, где окончательно утверждалась кандидатура президента. Генералы решили собраться девятнадцатого.

Это был довольно интимный ужин, где присутствовали только узкий круг генералов и их жены, но затянулся он до двух ночи. О вечере никто, кроме его участников, не знал. Однако о давней традиции знал Вио. И знал дату встречи.

...Семь машин заговорщиков находились в различных местах в засаде. Как только появится «мерседес» Шнейдера, одна из них должна была фарами дать сигнал остальным. Все было рассчитано. Другой дороги у генерала не было. Он проедет только здесь.

В два тридцать на почти пустынной улице показался автомобиль. На семи машинах включили стартеры. Но сигнала не последовало, хотя он проехал мимо «сторожевой» машины. И, действительно, то был не генеральский «мерседес», а «оппель». А то, что именно в нем сидел Рене Шнейдер, спохватились слишком поздно.

На этот раз генерал избежал покушения только благодаря чистой случайности. Все сводилось к тому, что незадолго до ужина Шнейдер дал свой «мерседес» сыну для какой-то поездки, а тот задержался. И генерал сам сел за руль собственного «оппеля».

Роберто Вио был взбешен не только провалом, но главным образом тем, что до сессии национального конгресса оставалось всего трое суток. Если к этому времени не убрать Шнейдера, рухнет все, что столько времени готовилось. И он ни минуты не дает передышки своим подручным. К исходу ночи, вернее, к шести утра, направляет в район, где жил главнокомандующий, девять машин с тем, чтобы заговорщики проникли в особняк генерала.

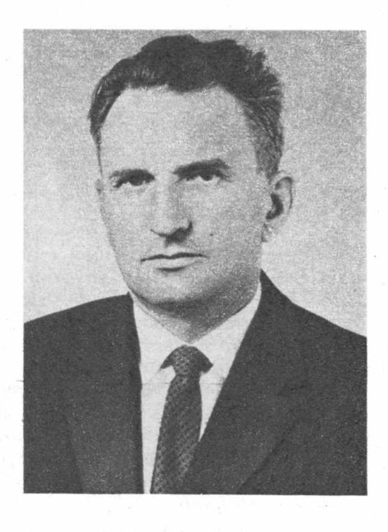
План этот, конечно, был сумасбродным и абсолютно нереальным. Дом охранялся карабинерами, имел надежную связь со штабом армии, за стенами ограды была собака. Даже не совершив попытки проникнуть за ограду, заговорщики вернулись ни с чем.

Поскольку медлить Вио не мог, и, рассчитывая на безнаказанность, он предпринимает новую, весьма рискованную попытку. К пяти часам вечера в тот же день машины террористов сосредоточиваются на площади Бульнес, где находится министерство обороны. Идет зоркое наблюдение за главным входом. Нельзя повторить ошибку, которая произошла из-за «оппеля». Надо точно проследить, на какой машине поедет главнокомандующий.

И они выследили. В семь часов к подъезду министерства подкатил «мерседес», и тут же вышел Рене Шнейдер. Машины заговорщиков тронулись одновременно с его автомобилем.

Окончание следует.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДЛЯ ВСЕХ

На вопросы нашего корреспондента А. Валентинова отвечает министр целлюлозно-бумажной промышленности Константин Иванович ГАЛАНШИН.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

— Константин Иванович, мы начинаем разговор о предмете, особо близком всем,— о бумаге. С какими достижениями, с какими показателями целлюлозно-бумажная промышленность начала девятую пятилетку?

— В истории человеческого общества бумага сыграла огромную роль. Она стала тем ее продуктом, без которого цивилизация абсолютно не может обойтись.

И дело не только в том, что в наше время бумага удовлетворяет духовные потребности человечества. Она еще и великолепный технологический материал.

Начиная с 90-х годов прошлого столетия из бумаги и целлюлозы производили столько изделий, что они представляются поистине универсальными материалами. Вот далеко не полный перечень:

Водопроводные трубы, выдерживающие напор в 3—4 раза больший, чем стальные, и трубы для газа и разных жидкостей. Спички. Стены и крыши домов. Автомобильные шины. Стаканы, чашки, блюдца, бутылки и прочая посуда. Нитки, веревки и шпагат. Стельки для обуви. Губки для мытья. Шляпы, платья, рубашки, пеленки и фуфайки, носовые платки, полотенца, простыни, костюмы и ковры. Корпуса автомобилей, катеров и самолетов.

Сейчас многие из этих вещей изготовляются и из других материалов, но роль бумаги в промышленности ничуть не уменьшилась. Особенно велико ее значение в электротехнике и радиоэлектронике, где она идет на изоляцию для проводов и кабелей, используется в трансформаторах, входит составной частью в конденсаторы и другие электродетали. Печатные схемы на бумаге привели к созданию транзисторных радиоприемников, а без клеевой ленты невозможно организовать производство цветных кинескопов к телевизорам. А астрономия? На чем можно было бы сделать фотографии звезд, Марса, не будь бумаги? По-прежнему большое количество изделий производится из прессованной бумаги, а ассортимент бумажной одежды и посуды все время расширяется.

Важную роль в народном хозяйстве играет производство тарного картона, выработка которого в 1970 году превысила миллион тонн.

В последние годы развилась новая прогрессивная форма торговли — торговля заранее взвешенными и расфасованными товарами. Это удобно и для продавцов и для покупателей, сберегает время, повышает культуру обслуживания. Мы увеличили производство различных видов материала для упаковки на автоматах — пачечной, коробочной, парафинированной и этикеточной бумаг и коробчатого картона.

Раньше у нас не хватало перфокарточной и перфораторной бумаги, и мы были вынуждены импортировать ее из-за границы. А ведь без этих сортов бумаги не могут работать ни электронно-счетные машины, ни многочисленные аппараты оргтехники. Теперь выработка такой продукции многократно увеличена и полностью удовлетворяет народное хозяйство.

В восьмой пятилетке мы начали производить новые, ранее не выпускавшиеся виды продукции.

Это в первую очередь кордная целлюлоза для автомобильных шин, легкая гофрированная бумага, конденсаторный материал типа «Силкон» и картон для трансформаторов высокого напряжения. В этот же ассортимент входят типографская бумага по специальным техническим условиям для третьего издания Большой Советской Энциклопедии и Библиотеки всемирной литературы, бумага для расфасовки молока и изготовления ламинированных мешков и, наконец, санитарно-гигиеническая бумага и изделия из нее.

Иное, казалось бы, технически несложное новое изделие дает иногда совершенно неожиданный экономический эффект. Вот, например, влагонепроницаемые бумажные мешки. За прошлую пятилетку их производство увеличилось более чем в полтора раза, и это дало возможность сохранить дополнительно при транспортировке несколько миллионов тонн различных сыпучих материалов, в том числе и минеральных удобрений. Думаю, нет надобности подробно пояснять, как это важно для сельского хозяйства.

Однако продукция нашей отрасли — это не только бумага всех видов и картон. Это и кормовые дрожжи, и канифоль, и этиловый спирт, и древесноволокнистые плиты. В прошедшей пятилетке выпуск всех этих изделий также значительно возрос. Значительно увеличился и выпуск вискозной целлюлозы, идущей на производство тканей для населения, а всего производство целлюлозы увеличилось за пятилетие на 58 процентов, бумаги и картона — на 43 процента, причем газетной бумаги — почти в полтора раза.

Сейчас в СССР выпускается более 400 различных видов бумаги и картона. Простое их перечисление составляет толстые справочники. Тут и группа писчих бумаг, в которую входят почтовая, тетрадная, документная, бумага для печати, и газетная, и машинописная, и чертежная, и декоративная. Я уже не говорю об огромном ассортименте технических и упаковочных бумаг. Столь же долго перечислять и все виды картона.

— Хотелось бы знать, как будет решаться проблема увеличения выпуска бумаги в девятой пятилетке.

— Бумаги и картона в стране все еще не хватает. Именно поэтому Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы, утвержденные XXIV съездом КПСС, предусматривают темпы развития целлюлозно-бумажной промышленности более высокие, чем развитие промышленного производства в целом. Особое внимание в Директивах обращается на увеличение выпуска дефицитных видов целлюлозы, бумаги и картона, в том числе для технических целей и машинной упаковки пищевых продуктов, а также тетрадей, блокнотов, обоев и других товаров для нужд населения.

На развитие нашей отрасли предусматривается почти в два раза увеличить капитальные вложения по сравнению с восьмой пятилеткой. Большая часть этих средств пойдет на расширение и реконструкцию действующих

предприятий, замену и модернизацию устаревшего оборудования, завершение строительства уже начатых объектов.

В прошлой пятилетке были начаты реконструкция и расширение Архангельского, Котласского, Сегежского целлюлозно-бумажных комбинатов и Братского лесопромышленного комплекса. В нынешней пятилетке по окончании реконструкции эти предприятия станут одними из крупнейших в мире. Каждое из них будет ежегодно выпускать до миллиона тонн целлюлозы, бумаги и картона, то есть столько же, сколько выпускала вся наша промышленность в 1937 году.

Примерно 30 процентов всего парка бумаго- и картоноделательных машин будут заменены или модернизированы, что позволит не только значительно увеличить выработку продукции, но и улучшить ее качество. Хочется особо отметить, что техническое перевооружение отрасли производится нашими отечественными машинами, которые выпускают предприятия Министерства химического и нефтяного машиностроения и в первую очередь недавно построенные первоклассные заводы тяжелого бумагоделательного машиностроения в Петрозаводске и Ижевске.

Для производства газетной бумаги в прошлой пятилетке введены в эксплуатацию шесть машин мощностью до 108 тысяч тонн продукции в год каждая — в 2—2,5 раза больше, чем у старых агрегатов. Скорость выработки семиметрового бумажного полотна достигает здесь 750 метров в минуту.

В ближайшее время будут введены в действие семь поточных линий по варке сульфатной целлюлозы с суммарной производительностью миллион восемьсот тысяч тонн в год.

Будет увеличен выпуск картона в 1,8 раза и бумаги — не менее чем в 1,3 раза, так что к концу девятой пятилетки мы будем производить в год 10 миллионов тонн этой продукции.

Выработка различных видов бумаги для печати за пятилетие возрастет не менее чем на 40 процентов. Это позволит существенно увеличить тиражи газет, книг и журналов.

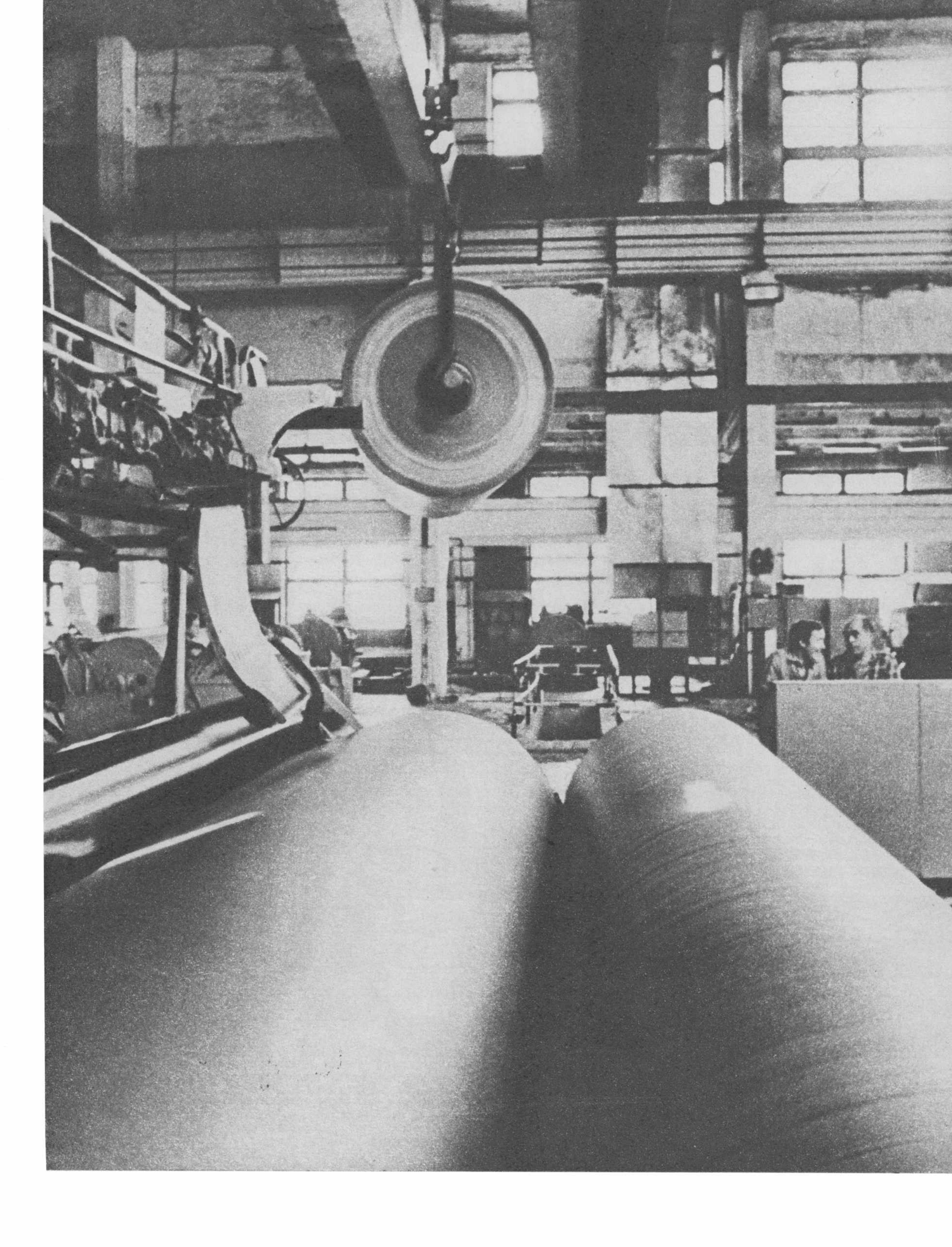
Увеличение выпуска этой бумаги будет осуществлено в первую очередь за счет полного освоения введенной в 1970 году технологической линии на Сыктывкарском лесопромышленном комплексе, которая будет давать 100 тысяч тонн бумаги в год, а также пуска в эксплуатацию в 1972 году новой фабрики производительностью в 85 тысяч тонн в год на Котласском комбинате.

В 1971 году на Соликамском комбинате начали работать две новые машины, выпускающие газетную бумагу производительностью 114 тысяч тонн в год каждая. Строится новая фабрика на Кондопожском комбинате с двумя поточными линиями общей мощностью 228 тысяч тонн в год. Создается производство газетной бумаги в столице Коми АССР г. Сыктывкаре, который превращается в крупнейший в стране центр бумажной индустрии.

В этой пятилетке будет создан ряд специализированных предприятий и цехов для производства товаров народного потребления. Значительно возрастет выработка обоев, рисовальных и общих тетрадей и других товаров на московской фирме «Восход», на Пермском, Новобелицком, Саратовском комбинатах, Вельгийской, Коломыйской, Корюковской и некоторых других фабриках после установки на них нового, высокопроизводительного оборудования. В несколько раз увеличится выпуск санитарно-гигиенической бумаги и изделий из нее.

В девятой пятилетке будут освоены и запущены в промышленное производство новые виды продукции, в том числе сульфатная целлюлоза для сверхпрочного корда, шелковых и штапельных тканей, полинозного и других волокон; растворимая целлюлоза из лиственной древесины; новые материалы для автомобиле- и тракторостроения, электронно-вычислительной техники, электротехнической и электронной промышленности, для печати, для фильтрации и очистки; тонкий тарный картон и другие, не выпускавшиеся ранее изделия.

Бумажники страны неуклонно наращивают темпы производства, переоснащают промышленность, принимают все меры по безусловному выполнению заданий девятой пятилетки.

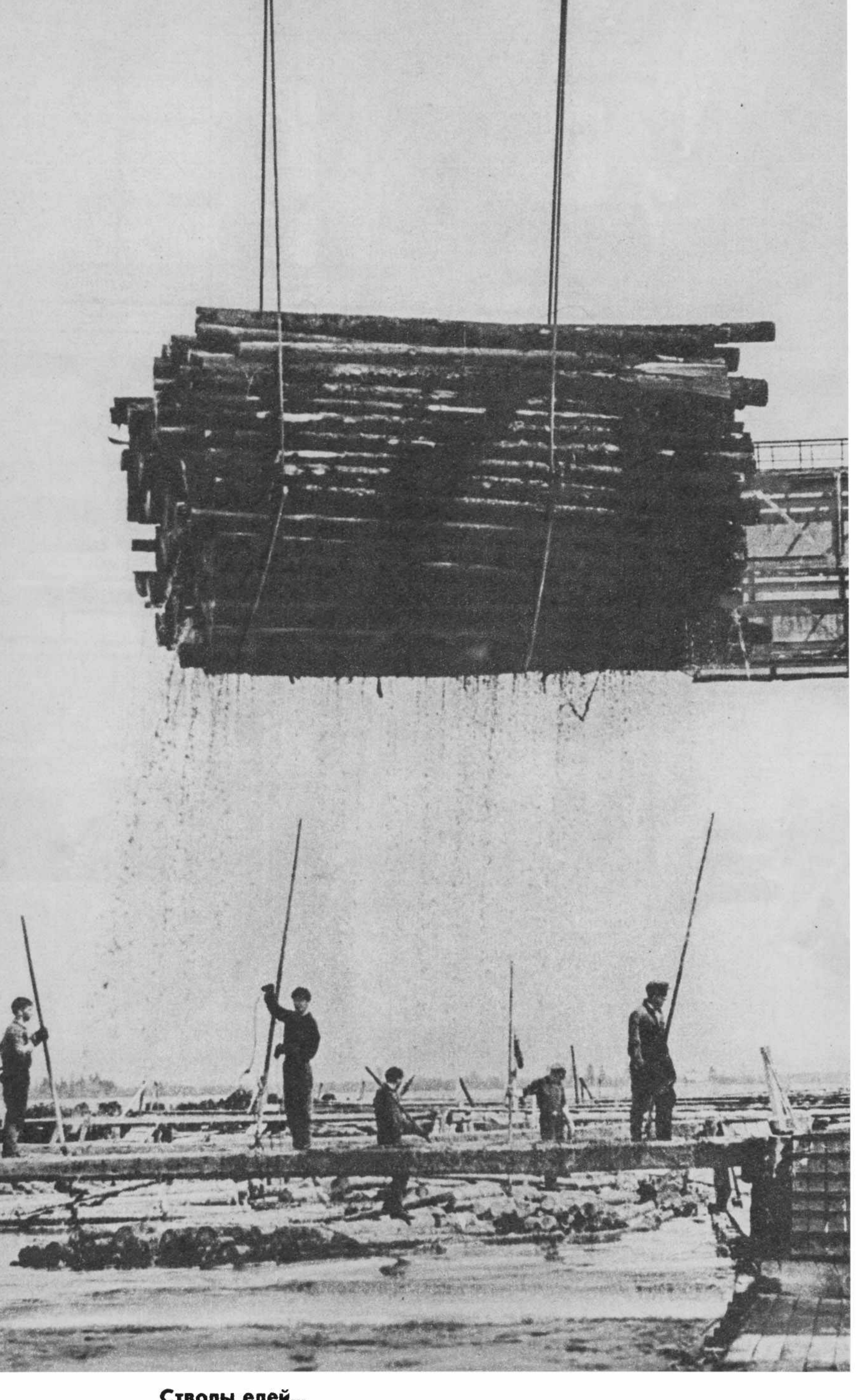
ЕЛЬ И РУЛОНЫ

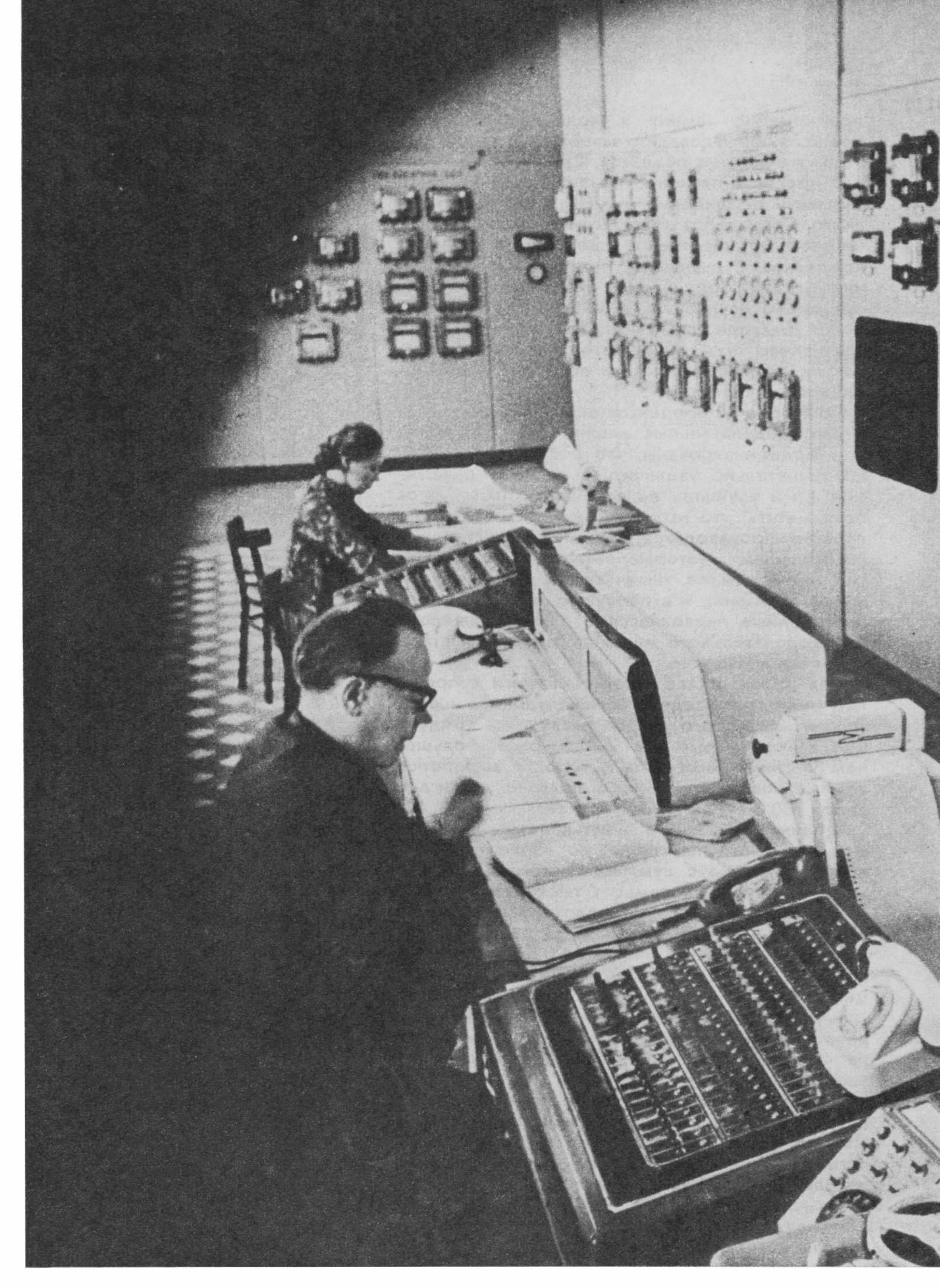
РЕПОРТАЖ С КОМБИНАТА, ГДЕ БУДУТ ДЕЛАТЬ БУМАГУ ДЛЯ «ОГОНЬКА»

Марат ЦЕБОЕВ

Фото А. ГОСТЕВА.

В поселке Коряжма нет возвышенности, с которой можно обозреть весь Котласский ордена Трудового Красного Знамени целлюлозно-бумажный комбинат имени 50-летия ВЛКСМ. «Покатайтесь на «чертовом колесе» в Комсомольском парке — все увидите»,— подсказал местный житель. Я внял совету, и вот уже колесо обозрения медленно поднимает меня над Коряжмой. Сразу примечаю девятиэтажный жилой дом. Рядом строится второй, третий... Памятник Ленину, к подножию которого новобрачные приносят яр-

Стволы елей...

кие цветы: такая здесь традиция. А колесо поднимает все выше и выше. Кажется, проваливаются куда-то вниз макушки деревьев в парке, а из-за них выплывает индустриальный пейзаж. Гигант на Вычегде! Кабельные и мостовые краны. Штабеля бревен на лесобирже. Трубы ТЭЦ... Широкая, величавая река. Когда-то плыли по ней белые резные ладьи. Недалеко отсюда, по преданию, Ермак начинал свой поход на Сибирь. А еще раньше, лет пятьсот назад, пришел сюда по левому берегу Вычегды преподобный Логгин и основал монастырь, у стен которого и выросла деревушка Коряжма. Обучал он людей церковной грамоте, а писать было не на чем. Вот тогда-то Логгин сколотил артель берестянщиков, и береста — кора, умело снятая с березы, специально обработанная, заменяла бумагу. Теперь тут вырос «бумажный» исполин.

...В пятидесятых годах приехали сюда молодые строители — шестьсот комсомольцев из Ленинграда. Среди них была Галя Красавина, первый бригадир бетонщиков. О ее замечательных трудовых делах знала вся страна. Галина Васильевна, теперь она Парфенова, по-прежнему живет в Коряжме, работает сменным мастером в цехе железобетонных изделий. Галина Васильевна изготавливала плиты для самой сейчас важной стройки — фабрики № 2, где будет пущена третья очередь гигантского бумажного комбината.

У Котласского комбината такая эмблема: елочка, с которой наматывается в рулоны бумага. Символ прост и лаконичен. Но сколько за этой простотой сложных процессов труда тысяч мастеров!

...Призывно гудит пароход, оповещая о прибытии плотов. «Николай Гастелло», один из последних «колесников», тянет за собой сбитые в мощные пучки бревна. Огромные мостовые краны выгрузят их из воды. В древесном цеху бревна очистят от коры, распилят, превратят в щепу. Попадет она в варочные котлы, где разварится на волокна и с помощью кислоты и пара станет целлюлозной массой.

Отсюда, с «чертова колеса», хорошо видна и стальная змейка железной дороги, по которой резвый товарняк увозит с комбината бумагу и целлюлозу во все концы нашей Родины.

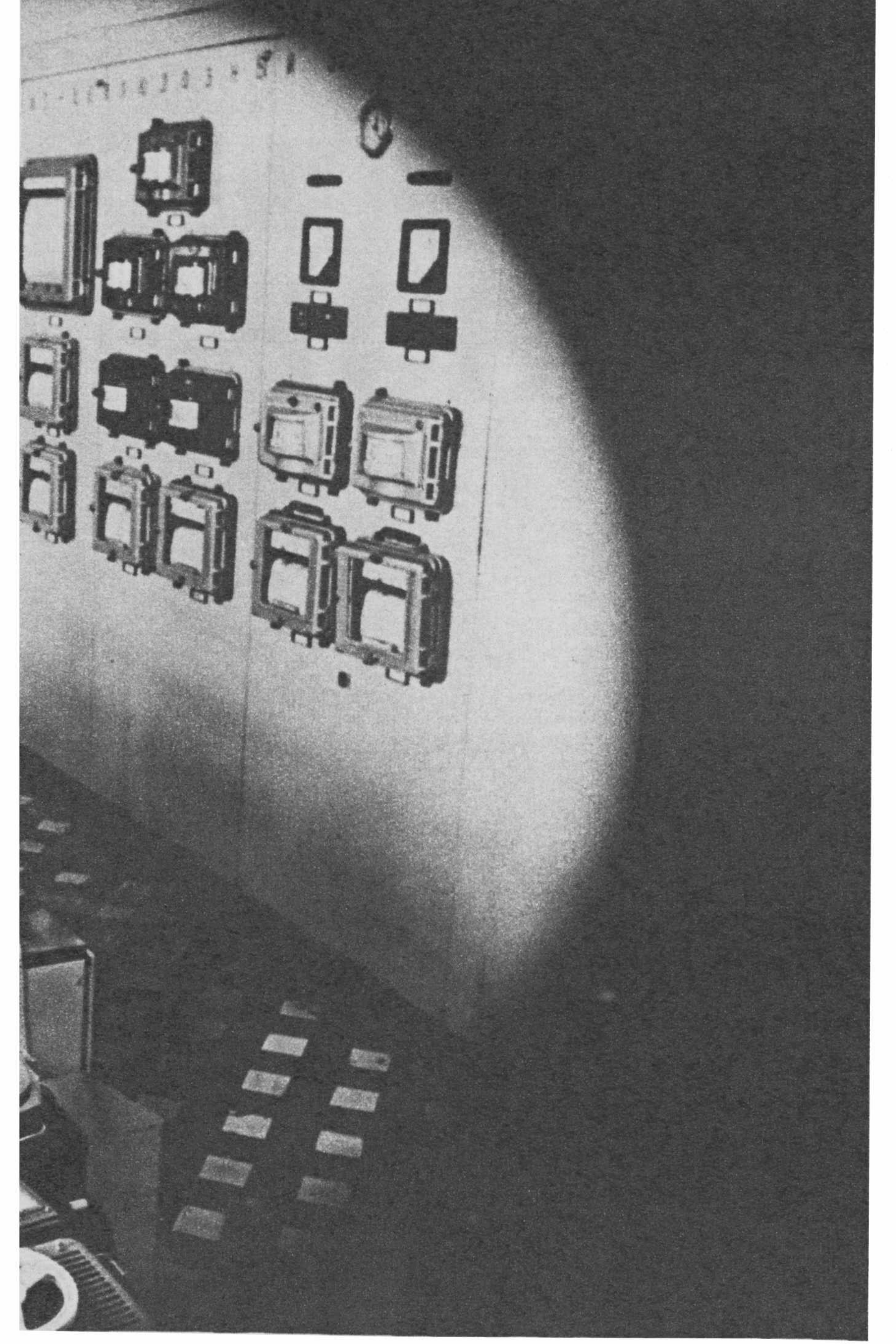
Приплывают плоты. Уходят поезда. Так расшифровывается эмблема. Все кажется просто. А какая это огромная дистанция «ель — рулоны»!

...В эти дни комбинат живет в напряженном ожидании: «До пуска бумажной фабрики остается 105 дней». Слова эти написаны на транспаранте, что висит на «блоке-14» — так строители именуют новый корпус, в котором будет пущена третья очередь Котласского целлюлозно-бумажного комбината. «Блок-14» — объект номер один не только для всего коллектива комбината, строителей, монтажников, эксплуатационников, но и для всех бумажников страны. Каждый день инженер «Главархангельскстроя» Владимир Васильевич Семков поднимается по лестнице к транспаранту и меняет цифры на нем: «104..., 103..., 102...» А в сентябре — пуск.

Красятся потолки, мозаичными плитами выкладываются полы, заполняются оконные проемы, облицовываются стены. Монтажники прокладывают трубы.

Пока что молчаливо стоят в полутьме гигантские бумагоделательные машины. Наши, отечественные, изготовленные Днепропетровским заводом имени Артема. Они, как космические корабли, ожидают своего часа. А цифры все меняются: «101..., 100..., 99...» Осенью наступит последний отсчет: «3..., 2..., 1». И — старт!

Загудят разогретые машины. Бумажная масса (целлюлоза) из варочного цеха после промывки, сортировки и отбелки поступит в специальный бассейн, откуда по трубам будет подаваться на бумагоделательную машину. Завертятся железные тамбуры, наматывая на себя метр за метром высококачественную бумагу для глубокой печати. Ее ждет наша полиграфическая промышленность, ее ждут работники типографии «Правда», где печатают журналы

В диспетчерской координируют работы всех основных производств.

«Огонек», «Смена», «Советский Союз»... О мощности третьей очереди красноречиво свидетельствуют две цифры: в прошлом году четыре целлюлозно-бумажных предприятия выработали 72 тысячи тонн вот такой же бумаги. Котласский же комбинат будет давать ее ежегодно по 85 тысяч тонн.

Вся страна пристально следит за подготовкой к пуску третьей очереди. Это, конечно, подстегивает многонациональный десятитысячный коллектив, заставляет каждого члена коллектива требовательнее относиться к себе и к своему товарищу. Пожалуй, острее других ощущают этот настрой молодые варщики Н. Мусонов, Н. Лапин, В. Тараканов, Е. Юрачев, Н. Хлызов, Н. Червочкин, А. Сеничев. Им оказали большую честь — доверили произвести первую варку на агрегатах третьей очереди. Нужно подготовиться к ней тщательно.

...В кабинете главного инженера комбината Владимира Дмитриевича Лихобабина стоит телевизор. Главный подключает то один цех, то другой. Чуть что не так — сразу в цех. Поправит, поможет, подскажет, а если потребуется, то останется на посту и ночью. Талантливый инженер, хороший знаток производства, он с большим волнением ждет предстоящего экзамена.

— Трудное будет испытание,— говорит Владимир Дмитриевич.— Наш комбинат — крупнейшее предприятие советской бумажной промышленности. У нас самая высокая производительность труда и наиболее низкие затраты на рубль товарной продукции.

Мы поинтересовались, как решается здесь одна из острых проблем бумажной промышленности: позаботились ли о природе, о воде?

— А как же... Иначе нельзя... Бумага бумагой, а природа страдать не должна.

Когда будет пущен новый комплекс, более чем вдвое расширится станция биологической очистки промышленных стоков.

...Близок день, когда из северного поселка Коряжма уйдет короткая многозначащая телеграмма: «К пуску готовы!»

КОЕ-ЧТО О БУМАГЕ

* * *

«Если современный период жизни людей характеризуется названием железного века, то с таким же правом его можно назвать веком бумаги».

Д. Менделеев

* * *

Когда египетский царь Птолемей во II веке до нашей эры запретил поставлять Сирии папирус, в столице этого государства Пергаме изобрели свой писчий материал из выскобленных овечьих шкур — пергамент, который на протяжении веков успешно конкурировал с папирусом.

* * *

На шумных базарах среднеазиатских городов писаря изготовляли бумагу в присутствии заказчика. И тут же, расстелив еще сыроватый лист на спине нагнувшегося клиента, строчили письма и прошения.

* * *

Старинные арабские писатели с гордостью указывали в предисловиях к своим трудам, что «бумагу для книги изготовил сам автор».

* * *

Коммерция выше религиозных разногласий: с разрешения папы римского в центре католического мира — в Италии — вырабатывалась бумага со знаком полумесяца для мусульманских стран.

* * *

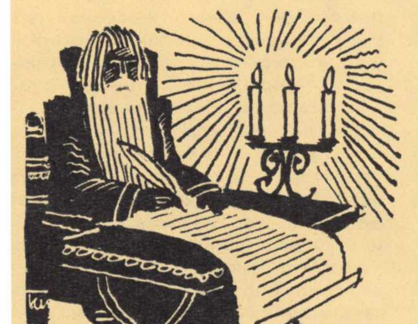
А. Курбатов, дворецкий графа Шереметева, предложил Петру I новый источник государственных доходов — «орление», то есть нанесение русского герба на бумагу для документов с указанием цены за «сей герб».

* * *

Бумагу долго считали столь ненадежным материалом, что император Священной Римской империи Фридрих II запретил в 1231 году писать на ней нотариальные документы.
Этот запрет продержался более 300 лет.

* * *

Первый в мире бумажный комбинат «Урания» на острове Гвеен построил астроном Тихо Браге, тот самый, кто в 17 лет обнаружил ошибки в вычислениях Коперника.

* * *

Тряпичная бумага на Руси появилась в XIV веке, а первое бумажное производство появилось в XVI веке.

* * *

Русское название «бумага» не имеет ничего общего с европейскими названиями, основой которых служит слово «папирус». Есть догадка, что слово «бумага» произошло от восточного «бумбуг» — хлопок.

* * *

Первую бумагоделательную машину, заменившую изнурительный ручной труд десятка людей, изобрел француз Николай Луи Робер в 1798 году.

* * *

В 1845 году бедный саксонский ткач Фридрих Келлер изобрел машину для размалывания древесины, и бумага стала древесным продуктом.

* * *

Для производства бумаги годятся многие растения: хлопок, камыш, стебли конопли, льна и табака, отходы кукурузы, многие однолетние растения и даже мох. На бумаге из мха была выпущена в 30-е годы в СССР книжка о методах переработки мха в бумагу.

* * *

Самый дешевый заменитель древесины — солома. Из 2,5 тонны ее выходит тонна целлюлозы.

* * *

В Испании пользуется спросом мебель из бумаги, а в Австрии на хорошем счету скрипки из бумаги, очень высокого качества и звучания.

* * *

В разгар Великой Французской революции Конвент обратился к народу со следующим воззванием: «Друзья! Чтобы победить королей, бумага необходима так же, как и железо».

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

ДОРОГА УХОДИТ ЗА ГОРИЗОНТ

Виталий ЗАСЕЕВ,

Фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Кажется, в нарушение всех законов природы солнце замерло над головой и не собирается уходить. Зной создает причудливые миражи: двигающиеся на горизонте в тяжелой одышке горы, плавающий над рельсами тепловоз, тонкие язычки пламени над головками маков... И только со дна бака, когда наклоняются к нему, веет гулкой прохладой, как из колодца. Эмалированный ковшик то и дело наполняется до краев. А потом светлые струйки сбегают по подбородку на бронзовые от ветра и загара плечи, на миг задержавшись, крупными каплями срываются вниз, на раскаленное тело рельса. Какое-то мгновение живая горошина нервно подрагивает и, не успев добежать до края, с шипением, прямо на глазах, исчезает бесследно. Ковшик переходит из рук в руки. Люди пьют большими глотками, высоко запрокинув голову, закрыв глаза. Потом человек не торопясь вытирает тыльной стороной ладони рот и отходит за вагоны в тень, где термометр показывает плюс 39...

Таким мне запомнился 144-й километр строящейся железной дороги Термез — Курган-Тюбе — Яван. Последние метры рельсов, что легли на раскаленную, выжженную добела насыпь, последний костыль, с одного маху вбитый Хафизом Гаюровым, взлетевшие к небу яркие тюбетейки, белые береты, ковш прохладной воды и ни с чем не сравнимое ощущение трудно доставшейся победы на строительстве дороги, которая свяжет один из богатейших районов республики с центром страны.

Что это даст? Секретарь ЦК Компартии Таджикистана Султан Бабаевич Эргашев перед моей поездкой на трассу стройки рассказывал:

— Новая железная дорога сыграет важную роль в развитии экономики республики, в дальнейшем формировании Южно-Таджикского территориально - производственного комплекса, которому партия и правительство страны придают огромное значение. В Директивах Двадцать четвертого съезда партии записано: ввести в действие железную дорогу Термез — Курган-Тюбе — Яван... Вся страна помогает строить эту дорогу... Вот посмотрите...

И наш собеседник развернул атлас. Вопреки общепринятым картографическим обозначениям на юге республики, от Узбекистана, вдоль афганской границы, протянулась яркая красная линия — строящаяся железная дорога Термез — Курган-Тюбе — Яван. За Айваджем она круто повернула на север, оставила позади Шаартуз, столицу лучшего в стране тонковолокнистого хлопка, пересекла вечно бурлящий Кафирниган и ушла через пески и хребты, туннели и долины к молодому растущему промышленному центру Таджикистана — Явану.

— Дорога,— продолжал С. Эргашев,— вызовет к жизни новые города, гиганты социалистической индустрии. Вот только один пример. Сегодня в Яване, недалеко от крупнейшей природной кладовой соли, известняка, доломитов и другого ценного химического сырья, строится огромный электрохимический комбинат. Рядом возводятся корпуса заводов — железобетонного, крупнопанельного домостроения. Растет ремонтно-механический завод и комплекс других предприятий. Пока все их доставляют на место в кузовах машин окольными путями. И хотя таджикская мудрость утверждает, что камень, который нужен, не имеет веса,— везти его все же приходится. Когда начнет действовать новая дорога, скоростные составы напрямую повезут сюда металл, лес, железные конструкции. Это на двадцать пять процентов удешевит строительство комбината, высвободит тысячи грузовых машин, повысит производительность труда, увеличит темпы стройки. Эти же тяжеловесные составы доставят в центр страны каустическую соду, хлорную известь, полихлорвиниловые трубы и многое-многое другое. Но это не все. Яванская долина станет и новой сельскохозяйственной базой Таджикистана. Ирригационный туннель через хребет Каратау уже подал вахшскую воду целинным землям, получены первые десятки тысяч тонн ценнейшего тонковолокнистого хлопка. Совхозы будут продолжать освоение целинных земель, и на помощь им придет железная дорога, большая половина которой уже уложена. А работать строителям приходится в очень трудных условиях. Сами увидите...

Горы, горы, горы... Они составляют более девяноста процентов территории Таджикистана. Дорога петляет между ними, то огибая распадок, то низвергаясь вниз, в цветущую долину. А когда на пути вырастает неприступная стена,— за дело берутся взрывники, экскаваторщики и бульдозеристы мехколонны, которую возглавляет заслуженный строитель Таджикской ССР Иван Михайлович Войкин.

«У Войкина голова — сто мыслей»,— говорят его друзья. Он и впрямь неистощим на всякие технические новшества. Любит и знает машины. Разбуди его среди ночи, и он быстро устранит неполадку. Если потребуется, сам станет управлять экскаватором, бульдозером, трактором. Отсюда и авторитет, уважение, сплоченность коллектива. И. Войкин научил людей работать дружно, помогать друг другу, в особенности там, где приходится одолевать трудности таджикского климата. В колонне украинец работает на одном агрегате с таджиком, белорус с татарином, узбек с башкиром, казах с молдаванином...

В день моего приезда на трассу произошел такой случай. На отметке 144-го километра, пробивая гору, один из лучших экскаваторщиков колонны, Искандер Давлятов, завершив смену, услышал рокот встречной машины. Искандер узнал «по почерку»: навстречу ему пробивается Анатолий Питоня; он приехал сюда с Украины и был первым, кто привил Искандеру Давлятову любовь к технике, кто научил его управлять сложной машиной. По тому, как «дышал» экскаватор учителя, Давлятов понял: Питоня идет с большим опережением. Позади остались семь часов в раскаленной кабине, среди грохота и пыли. Искандер уже предвкушал, как приедет домой, встанет под прохладный душ, потом нальет в большую пиалу душистого зеленого чаю... Но его сменщик, Георгий Домрачев, все еще задерживался в дороге. Не его была вина: бурным потоком размыло путь, снесло мост. И тогда, сбросив тужурку, Искандер снова поднялся в кабину: нельзя отстать от учителя, машины идут друг другу навстречу. Груженые «МАЗы» непрерывным потоком двинулись из карьера. Перемычка была разрушена на несколько часов раньше срока. А утром, когда к площадке вплотную придвинулись путеукладчики, насыпь уже была готова.

...Басовитый гудок тепловоза, который ведет машинист Петр Суворов, повисает над долиной. Работающие в поле отрываются от дела, широко улыбаются, машут вослед тепловозу. Старики, укрывшиеся в тени деревьев, срываются с места и ковыляют к насыпи. Приложив ладонь ко лбу козырьком, качают головами: «Хорошо!» Люди понимают: дорога — это новая жизнь.

Едем в Шаартуз посмотреть первую на этой линии железнодорожную станцию. Петр Суворов только что пригнал к месту укладки пути состав со щебенкой — и снова в путь.

— Дорога-труженица,— размышляя вслух, говорит машинист,— с первого километра сама себя обслуживает. И про нужды района не забывает. Вчера завезли в соседние колхозы тысячу двести кубометров леса, а раньше его доставляли водой. Месяц с хвостиком уходил на это, а нынче и пятидневки хватает.

...Последний поворот. Петр Суворов дает протяжный гудок, и мы плавно подкатываем к станции, к крохотному одинокому вагончику с белыми наличниками окон. Навстречу, поправляя сваливающуюся фуражку, спешит начальник вокзала Зоя Алексеевна Дубровина. Она не ждала гостей, чуточку растеряна, смущена, но это длится недолго. И вот уже разговор идет о наболевшем.

— Станцию нам оборудовали новейшей техникой, сигнализацию установили, как на напряженных магистралях, а вот о форме позабыли. Единственную фуражку прислали, да и ту шестидесятого размера, чтобы всем подходила. Скажете — «мелочь». Не согласна. Люди с первого дня должны сознавать, на каком ответственном посту находятся. И тут форма не последнюю роль играет. Но если вы к нам приедете через неделю, не узнаете девчат. Выберусь в Термез, дойду до начальства и одену всех своих дежурных «с иголочки». Как в Москве...

Потом она окинула критическим взглядом свой вагончик и, будто извиняясь, сказала:

— А то, что станция наша не шибко-то привлекательна, так это временно. С такого вагончика начинались многие новые города Сибири и Урала. А сегодня там строят университеты...

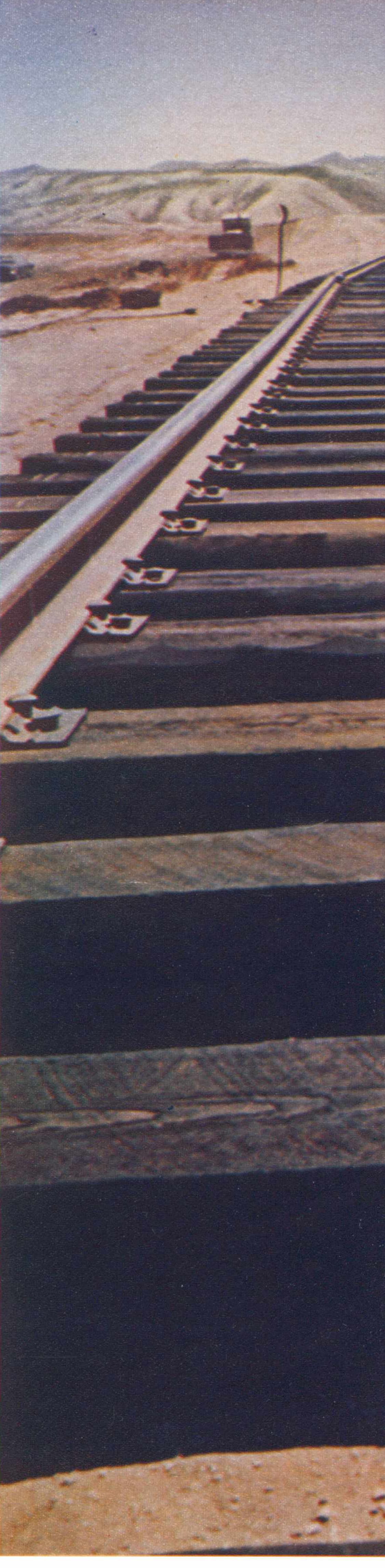
Я слушал свою собеседницу и мысленно представил, как мимо Шаартузского вокзала проносятся скоростные составы и как люди, почему-то никогда не перестающие удивляться поездам, провожают их долгим взглядом.

Точно магнит, притягивает к себе взгляд Мусы Ташматова, старейшего поливальщика хлопка из колхоза имени Карла Маркса, полотно строящейся дороги.

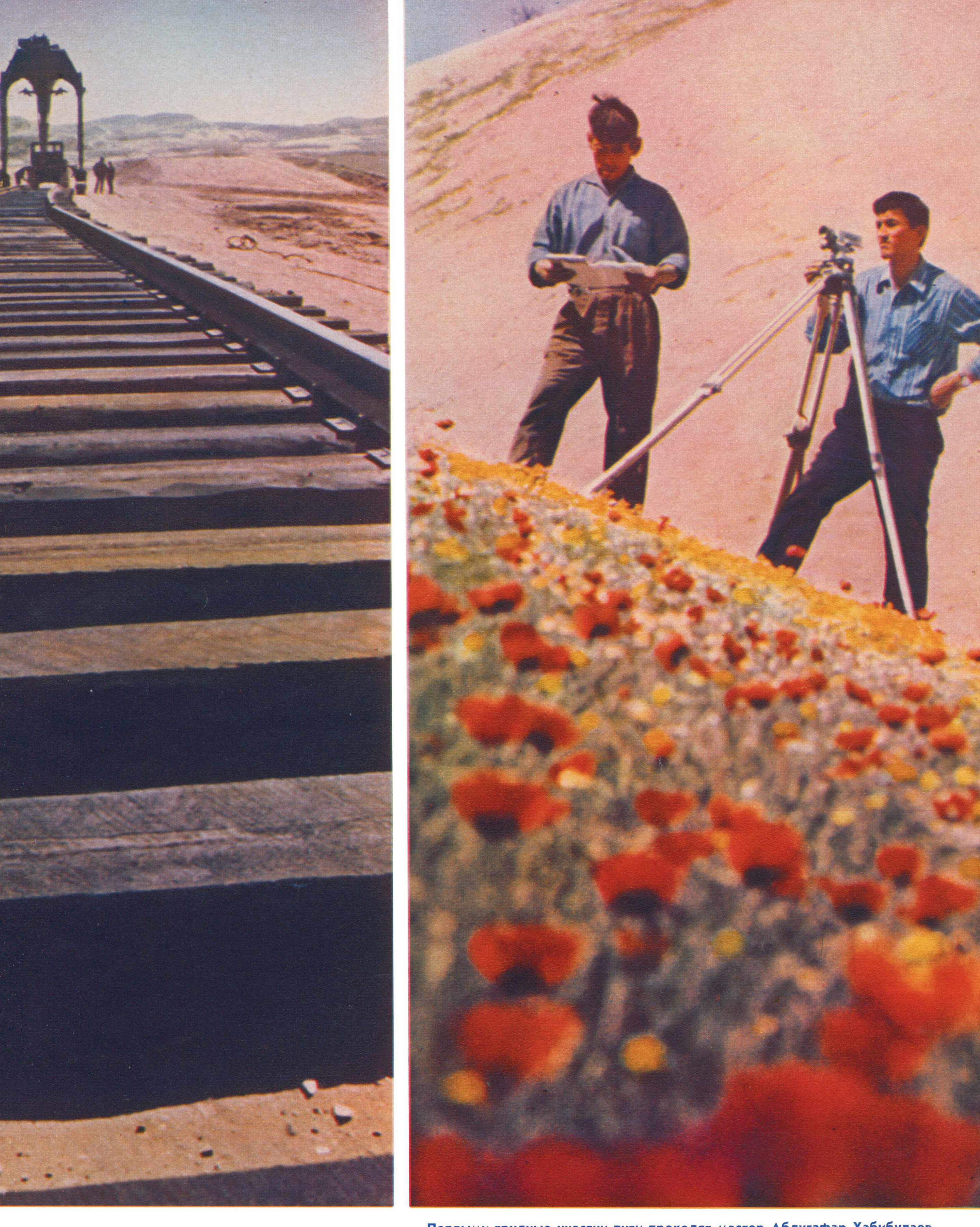
Из Термеза прибыл состав с готовыми звеньями железнодорожного полотна. К вечеру отметка продвинется еще на один километр.

NЧБ № 138
60

Через несколько минут тепловоз, который поведет машинист Петр Суворов, отправится со станции Шаартуз. «Счастливого пути!» — желает начальник станции Зоя Дубровина.

144-й километр...

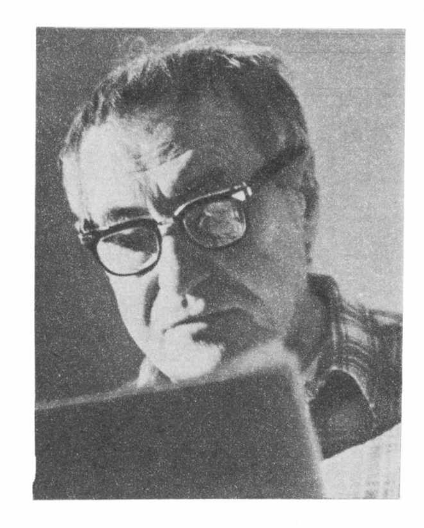

Первыми трудные участки пути проходят мастер Абдугафар Хабибулаев и его помощник Урал Ярмухамедов.

Сафар Абраев мечтает стать машинистом тепловоза.

Валентин **КАТАЕВ**

Валентин Петрович Катаев недавно закончил лирико-документальную книгу «Разбитая жизнь или Волшебный рог Оберона». В ней повествуется о том, что видено, пережито. Состоит она из новелл, не связанных единым сюжетом и хронологической последовательностью. Мы публикуем фрагменты из новой книги. Полностью будет печататься в журнале «Новый мир» в 1972 году.

ШЕСТЬ РАССКАЗОВ

РОЖДЕНИЕ БРАТИКА

Когда няня привела меня с прогулки, раздела и я вошел в гостиную, то было уже почти темно, а мама и еще одна женщина сидели рядом в креслах возле столика, покрытого бархатной скатертью, и рассматривали какую-то книгу.

Эта книга не была толстым, хорошо мне знакомым альбомом с медными, пружинными застежками и толстыми лаково-белыми картонными страницами с золотым обрезом, в которые были вставлены семейные фотографии.

Альбом этот всегда находился рядом с керосиновой лампой на высокой ножке с красивым бронзовым резервуаром и матовым абажуром в виде раскрытого тюльпана, откуда высовывалась верхушка лампового стекла, над которой всегда колебался нагретый воздух.

С наступлением темноты эту лампу, уже зажженную, приносили из кухни, где заправлялись все прочие керосиновые лампы нашей квартиры, и тогда небольшая гостиная со старой мягкой мебелью делалась в моих глазах как-то по-вечернему уютной, почти сказочной, чему способствовала тень фикуса с его овальными листьями, вдруг четко, но мягко появлявшаяся на потертых, слегка золоченых обоях.

На этот раз было уже довольно темно, а зажженную лампу все еще не приносили.

Женщину, сидевшую рядом с мамой, я узнал сначала по черной шерстяной материи ее одежды, пропитанной приятным запахом ладана и лампадного масла, а также по белому цвету пухлого лица, окруженного краем накрахмаленной косынки, выглядывающей из-под черного монашеского платка.

Это была пожилая сестра милосердия из стурдзовской евангелической общины, и она имела какое-то не совсем понятное мне, близкое отношение к нашей семье, в особенности ко мне: я слышал, как взрослые говорили про нее, что она меня принимала.

Но что значит «принимала», я не понимал, а только чувствовал в этом какую-то необъяснимую, темную тайну. Я неясно понимал, что не всегда жил на свете: сначала меня совсем не было, я не существовал, а если и уже существовал, то был в каком-то таинственном месте,— ни живой, ни мертвый,— и Акилина Афанасьевна — как звали сестру из стурдзовской общины — каким-то образом оттуда выручала меня, крошечного ребеночка,— принимала в свои пухлые теплые руки, как бы вытертые — по далекому сходству с ее именем — приторно-сладким глицерином, который я однажды лизнул с пробочки маминого флакона.

Акилина Афанасьевна считалась у нас в семье как бы дальней родственницей и появлялась иногда по большим праздникам.

Однажды мы с мамой ходили ее навестить в стурдзовскую общину — нерусское здание, построенное из какого-то крепкого, дикого камня с часами над входной дверью,— и я помню темный, узкий коридор, в холодных сумерках которого, перед иконой, горела цветная лампада, подвешенная на трех цепочках.

...Во всю длину коридора лежала ковровая дорожка, делавшая наши шаги неслышными...

Мама не успела меня схватить за руку, как я уже отцепил цепочку с гвоздика, и лампадка тяжело, со стуком упала на пол, погасла, зачадила, лампадное масло потекло по ковровой дорожке, и самое ужасное было то, что в тот же миг в глубине коридора показалась фигура настоятельницы общины в черной царственной мантии, с высоким посохом в руке, с грозным выражением бледного худого лица с высоко поднятыми, густыми, как усы, бровями.

Я так испугался — в особенности меня испугали ее резные кипарисовые четки, висящие на руке,— что едва не потерял сознание, а она приблизилась ко мне и легко, но довольно чувствительно шлепнула меня по рукам, проговорив сквозь сжатые губы:

— Скверный шалун.

Я уже сейчас не помню, как меня увели из общины, где я так оскандалился, но с тех пор у меня почему-то появилась уверенность, что Акилина Афанасьевна принимала меня именно отсюда, из этого сумрачного коридора с узкими готическими окнами, с чадящей на ковровой дорожке лампадкой и черной фигурой настоятельницы, простершей ко мне свой высокий посох, и в моей душе всегда жила благодарность к Акилине Афанасьевне за то, что она приняла меня и вынесла меня отсюда на своих мягких, пухлых руках на свет божий, в мир, где горело солнце, трепетала листва, прыгали воробьи и по небу над длинной железной крышей когановского приюта бежали веселые облака, гонимые ланжероновским ветром.

Теперь в темной гостиной я увидел маму и Акилину Афанасьевну с ее кожаным акушерским саквояжем на коленях. Я заметил на столике открытую книгу; такой книги у нас не было: наверное, ее принесла с собой Акилина Афанасьевна. Хотя было довольно темно, но я заметил, что это книга с картинками, и тотчас влез на мамины колени с тем, чтобы посмотреть картинки. Мне было неудобно сидеть на маминых коленях, так как меня подпирал ее очень потолстевший за последнее время живот, на что я, впрочем, не обратил особого внимания. Я тянулся к открытой книге, желая рассмотреть рисунок совсем неразборчивый и непонятный в потемках. Этот рисунок казался мне странным, необычным, так как я не находил в нем изображения знакомых предметов — людей, деревьев, животных, домов, то есть всего того, что обыкновенно бывает в книгах и называется картинками.

Я увидел рисунок, изображавший нечто похожее на несколько скрюченный огурец с подогнутой крупной головой и, как мне показалось, сонно закрытым детским глазом.

— Что это такое? — спросил я маму.

— Это не для детей,— ответила мама.

— Да, но все-таки что это такое? — настаивал я.

— В темноте не разберешь,— улыбаясь, сказала Акилина Афанасьевна, желая все это повернуть в шутку.

Тогда я стал требовать, чтобы принесли лампу. Лампу принесли, но книга тем временем исчезла. Ее куда-то от меня спрята-

ли. Исчезла картинка, вызвавшая в моей душе беспокойство.

Утром я почувствовал, что в доме что-то неладно; мама не вставала с постели, папа ходил по комнатам и, как видно, не собирался ехать на уроки. В гостиной снова появилась Акилина Афанасьевна со своим саквояжем.

Меня напоили чаем с молоком, одели тепло, как для длительной прогулки, в пальто и гамаши, и мама, поцеловав меня сухими губами в лоб, сказала, что кухарка отведет меня на целый день в гости к одним знакомым, которые живут за циклодромом, недалеко от Ланжерона, против пустыря, где впоследствии разбили новую часть Александровского парка, а тогда там рос бурый осенний бурьян, доходя до самого обрыва, как бы повисшего над бушующим грязным морем, и шквалистый штормовой ветер гнул в одну сторону и заставлял трепаться сухие кусты перекати-поля и будяков и нес в лицо холодную пыль, смешанную с пухом репейника.

Мне было холодно в моем осеннем пальтишке, из которого я немного вырос, и в тонких шерстяных гамашах.

Ежась, я вошел в незнакомую мне квартиру, где меня уже ждали. Выбежали две девочки, вышла с ласковой улыбкой их мама, затем я увидел их папу, полковника с бакенбардами, в мундире офицера пограничной стражи.

Он качался в качалке и милостиво потрепал меня по щеке своей костлявой рукой, напомнившей мне руку покойного екатеринославского дедушки, маминого папы, того самого, который некогда подарил мне «лимончика».

У моих новых знакомых была просторная, богатая квартира с теплой застекленной террасой, полной тропических растений и клеток с канарейками, там стоял длинный обеденный стол и вокруг него дачные плетеные стулья.

Девочки были старше меня, высокие, худенькие, вежливые, приветливые. Они развлекали меня, как воспитанные хозяйки развлекают не очень интересного гостя: меня поили какао с рогаликами, показывали картонный игрушечный театр, рисовали вместе со мной на особом матовом стекле разные предметы, и во всем их милом, деликатном поведении сквозило непонятное сочувствие, грусть, даже тревога.

Их мама курила очень тонкие папироски, сбрасывая сиреневый пепел в перламутровую раковину, время от времени меня подзывала к себе и гладила мои стриженые, жесткие на макушках волосы...

(Не забывайте, что у меня было две макушки, я был «счастливчик».)

...Причем выражение ее лица делалось сочувственно-грустным и вместе с тем полным скрытого любопытства.

Наша кухарка давно уже ушла, и я слышал, как мать девочек сказала ей, чтобы обо мне не беспокоились: если дело затянется, то я буду ночевать у них в гостиной на стульях.

Но что же могло затянуться?..

Тревога охватила мою душу. Я чувствовал все усиливающееся беспокойство, к которому почему-то примешивалось представление о саквояже Акилины Афанасьевны и картинке в книге, смысла которой я не мог разгадать, хотя мне казалось, что загадка моего пребывания в чужом доме заключается именно в этой неразгаданной картинке, в этом как бы скрюченном тельце с большой сонной головой, опущенной вниз, в этой странной личинке, которую мне вчера не хотели показать при свете принесенной лампы.

...кажется, ее звали не Акилиной Афанасьевной, а Саввишной. Да, именно так. Но это не имеет значения, как не имело бы значения, если бы ее звали не Акилиной, а Гликерией...

У девочек была бонна, и она водила нас гулять на Ланжерон, где высокий прибой обрушивался на скалы и взбаламученное море кое-где просвечивало резкой зеленью октябрьского шторма.

Мне по-прежнему было холодно, и бонна подняла мне воротник с маленькими вышитыми якорями и закутала мою шею гарусной шалью, отчего я почувствовал себя еще более сиротливо.

Под темными тучами, низко бегущими одна за другой над Ланжероном, возле обрыва, в сухом бурьяне лежали производившие учение солдаты, как я узнал от бонны, рота искрового телеграфа. Они запускали в небо полотняный, так называемый змейковый аэростат, и он, треща под напором шквалистого ветра, уходил по косой линии все выше и выше к черным тучам на тонком стальном тросе, скользящем с большой железной катушки, которую постепенно разматывали солдаты с зелеными погонами, лежащие в репейнике. Рядом с ними в репейнике стояли полированные деревянные ящики электрических батарей, соединенных со змейковым аэростатом черным проводом, откуда время от времени выскакивали как бы маленькие синие молнии электрических разрядов искрового телеграфа.

Бонна объяснила нам, что солдаты посылают электрические телеграфные сигналы на миноносец, нырявший в штормовых волнах против Ланжерона. Я видел на мостике миноносца маленькую фигурку матроса, который, как мельница, махал двумя сигнальными флажками.

Во всем этом было что-то новое, зловеще-военное, какое-то темное предзнаменование, и я, спрятав ручки в рукава своего короткого пальтишка, чувствовал себя совсем сиротой.

Я провел у знакомых целый день, завтракал, обедал и ужинал, причем, помню, меня поразило богатство ужина: солдат-денщик в зеленых пограничных погонах и в белых нитяных перчатках подал блюдо жареных куриных котлет с зеленым горошком, а на столе на фаянсовой дощечке стоял большой кусок слезящегося швейцарского сыра с крупными дырками.

Наступил вечер. Стемнело. С Ланжерона дул ветер.

Уже давно зажгли лампы. В аквариуме уснули золотые рыбки, повисшие, как загипнотизированные, среди водорослей, осыпанных бисером воздушных пузырьков.

Странный день, проведенный у чужих людей, впечатление от змейкового аэростата с его цветными полотняными плоскостями, который косо уходил вверх, в тучи, искры, выскакивающие из антенны, гул штормового моря и качающегося бурьяна утомили мой мозг, глаза мои сами собой закрывались, я стал капризничать, и мама девочек наконец велела укладывать меня спать на составленные стулья в гостиной, среди араукариев, бронзовых статуэток и больших картин в золотых рамах, из которых одна особенно восхищала и в то же время пугала своей красотой: черноглазая неаполитанка с поднятым бубном.

Я ужаснулся от мысли, что мне придется спать — как сироте! — в чужом доме и ночью на меня будет смотреть своими черными глазами итальянка в красном корсете.

Но в это время пришла наша кухарка, возбужденная, веселая, и сказала мне:

— Ну, слава богу, теперь у тебя есть братик, пойдем поскорее домой к мамочке, она за тебя беспокоится.

Поверх пальто она закутала меня принесенным серым оренбургским платком, от которого, как мне казалось всегда, исходил теплый, домашний, несколько кухонный запах екатеринославской бабушки, и вскоре я, еле держась на ногах, со слипшимися глазами, с ланжероновским репейником в вязаных гамашах, очутился дома, в нашей маленькой трехкомнатной квартире, небывало ярко и весело освещенной лампами и свечами.

Прежде чем увидеть только что появившегося на белый свет своего братика — во что я все-таки никак не мог поверить,— я почувствовал крепкий запах распаренного липового дерева и облитых кипятком пеленок. Затем я увидел на кресле в гостиной раскрытый саквояж Акилины Саввишны и, наконец, ее самое, мелькавшую в дверях спальной со своей накрахмаленной косынкой и белыми, пухлыми, сладко-глицериновыми руками, обнаженными по локоть.

Было сразу заметно, что она тут главное лицо, распорядительница.

...мелькнул взволнованный папа в распахнутом сюртуке...

Я увидел липовое корыто, поставленное на две кухонные табуретки. По-видимому, недавно корыто ошпарили кипятком, потому что в воздухе сильно и приятно пахло душистым древесным запахом. Дно корыта было устлано сложенными в несколько раз бумазейными пеленками, а на пеленках лежал совсем крошечный длинненький ребеночек с еще красным тельцем и животиком, перевязанным марлей.

Акилина Саввишна осторожно поливала ребенка из кружки теплой водицей и нежно терла его кукольные ручки и ножки своими нежными ладонями, как бы предназначенными самой природой для купания новорожденных детей.

...Я увидел черные, слипшиеся на лбу волосики моего, неизвестно откуда взявшегося братика, его кисло зажмуренные глазки...

Акилина Саввишна держала ребенка спиной вверх на своей просторной ладони над корытом, а папа, не боясь облить водой свой новый сюртук с шелковыми лацканами и крахмальные манжеты, поливал его из кувшина, и вода лилась по нежному тельцу нового ребенка, согнутому, как очищенная раковая шейка. Из крошечного ротика ребенка выскакивали пузыри и беззвучно лопались. Я увидел, как Акилина Саввишна вытерла руками ребенка, а затем, положив его спинкой на стол, крепко запеленала, так, что он стал твердой, неподвижной куколкой без рук и только крошечное сморщенное личико, красное и потное, виднелось из пеленок, окутывающих головку.

Несколько раз ребеночек, не раскрывая глаз с набухшими веками, издал ротиком довольно громкий крик:

— Кува́, кува́, кува́!

И тогда мама, лежавшая на кровати, по-девичьи разметав по подушке свои смоляные волосы, с нежным усилием улыбнулась искусанными губами и проговорила почти совсем пропавшим голосом:

— Ах ты, мой маленький кувасик.

С тех пор моего братика долгое время называли кувасиком.

Когда же Акилина Саввишна положила спеленатого ребенка рядом с мамой, приложив его личико к ее надутой, влажной, с кораллово-коричневым соском и каплей молока на нем груди, мама с усилием протянула ко мне ослабевшую смуглую руку, погладила меня по голове с двумя макушками и, с трудом шевеля губами, сказала:

— Поцелуй своего братика.

...и я осторожно, как будто к иконе, приложился губами к круглому личику «кувасика», испытывая одновременно и невыразимую нежность к этому чудесному произведению природы и непонятную боль какого-то темного предчувствия, пронзившего мне сердце.

НЕБОЛЬШОЙ ЧЕРНЫЙ ПУДЕЛЬ

Все было прекрасно в то воскресное утро, все радовало меня, даже то, что мы вышли черным ходом, через двор, который мне очень нравился тем, что там зеленела травка возле каменного забора, отделявшего от нас какие-то загадочные закоулки нашего квартала, какие-то «зады», где всегда находилась поленница дубовых дров, а рядом стоял флигелек, где жил один довольно большой мальчик, Витя Ильин, старше меня года на три, уже умевший

превосходно рисовать карандашом на толстой, крупнозернистой рисовальной бумаге броненосцы, крейсерá и миноносцы русского военного флота со стремительно выставленными вперед наподобие кончиков ножей носами, андреевскими флагами над башнями и названиями, написанными славянскими буквами:

...«Ретвизан», «Орел», «Стремительный», «Аврора»...

Витя Ильин обещал научить меня тушевать рисунок специальной бумажной растушевкой и стирать резинкой «Слон», а также надувать на липке пузырек воздуха, который с треском лопался, если его раздавить... Я надеялся, что встречу Витю во дворе, но он сидел дома под окном за столом и, низко наклонясь стриженой головой над листом рисовальной бумаги, что-то делал — вероятно, тушевал броненосец или снимал липкой лишние тени волны, разрезаемой, как плугом, острым носом военного корабля.

Впрочем, это не слишком меня огорчило, так как день был ярок, прекрасен, а впереди предстояла поездка с папой на конке в Аркадию, и я уже предвкушал, как будет визжать на крутых прибрежных поворотах тормоз и как морские волны будут вкрадчиво подбираться к нашим ботинкам — папиным и моим. Может быть, думал я, мы с папой даже выпьем в будке в Аркадии зельтерскую воду с красным или желтым сиропом, чудную шипучую воду, которая будет шибать в нос и щипать язык.

Для того, чтобы выйти на нашу Базарную улицу, следовало пройти под каменными сводами, в конце которых, как бы в подзорную трубу, виднелась резная арка ворот, а за нею до рези в глазах яркая и по-воскресному пустынная улица — центр моего тогдашнего мира.

Мне было года три, и я шел рядом с папой, не держа его за руку и даже отваживаясь иногда опередить его, чувствуя себя при этом как-то особенно молодцевато — самостоятельным, независимым и от этого еще более счастливым.

Опередив папу, я выбежал из ворот и в сияющей перспективе Базарной улицы заметил фигуру приближающегося человека. Еще никогда в жизни я не видел такого красивого господина — щеголя, в летнем люфовом шлеме с двумя козырьками: одним спереди, другим — сзади, так называемый «здравствуй-прощай», что уже это одно само по себе привело меня в восхищение, так как я впервые в жизни увидел такой красивый, оригинальный головной убор. На господине была надета черная крылатка морского покроя, застегнутая на груди цепочкой с двумя пряжками в виде львиных голов. В руках у господина была бамбуковая тросточка, что в соединении с его острой черной бородкой, такими же острыми черными усиками и наимоднейшим черепаховым пенсне на шелковой ленте, заложенной за ухо, до глубины души потрясли меня своей красотой, и я тут же мысленно пожелал, когда вырасту, сделаться таким же красавцем.

Эх, да что говорить!

...Даже мой дорогой, любимый, родненький папа, которого я до этой минуты считал самым красивым человеком на свете, вдруг показался мне слишком будничным и — прости мне боже! — бедноватым человеком.

Рядом с красивым господином бежал его сравнительно небольшой черный пудель, быть может, еще более красивый, чем его господин. Он был пострижен по тогдашней моде под льва, с гривой, голой тонкой талией, с помпончиками на ногах и на кончике хвоста, с пушистыми усами и шелковым бантом на шее. Этот пудель, казалось, сбежал со страницы детской книжки, и я остановился как вкопанный перед этим чудом природы, чудом парикмахерского искусства.

— Цюцик, цюцик,— нежно заворковал я.

И вдруг этот пудель ринулся ко мне и положил свои передние лапы с помпонами на мои плечи, разинув глубокую пасть с ярко-красным, как бы движущимся языком и злыми, острыми зубками, и я увидел совсем близко перед своим лицом два черных, как бы стеклянных глаза.

Я оцепенел.

Пудель побарабанил по моим плечам стрижеными лапами и громко залаял прямо мне в лицо. Ужас пронзил все мое существо, и я закричал на всю Базарную улицу голосом, оглушившим меня самого и почти разорвавшим мои голосовые связки.

Чудесный воскресный день померк. Я бросился к папе и, продолжая безостановочно орать и визжать, обнял дрожащими ручонками его колени, и, хотя пудель был уже далеко, в конце улицы, я продолжал, все продолжал, не останавливаясь, изо всей мочи орать, визжать и снова орать и орал до тех пор, пока совсем не осип, потерял голос и был отнесен на руках домой к маме.

...вот уже с тех пор прошло семьдесят, а то и больше лет, а моя гортань до сих пор как бы чувствует последствия этого крика: мое горло часто простужается, гортань краснеет, голосовые связки сипнут, и тогда я вижу ясно перед собой, как в подзорную трубу, туннель сводчатых ворот, за которыми по сияющей пустынной Базарной улице конца девятнадцатого — начала двадцатого века идет франт в черной разлетайке и рядом с ним бежит, мелко перебирая стрижеными ножками, черный пудель, постриженный под льва, с разинутой адски-красной пастью и злыми, стеклянными глазами...

ЯДРО В ЦОКОЛЕ ДЮКА

К числу главных достопримечательностей города принадлежало чугунное ядро, вделанное в угол цоколя памятника Дюку де Ришелье, на Николаевском бульваре против знаменитой Одесской лестницы, ведущей из города в порт.

Герцог де Ришелье был представлен на памятнике в строго классическом виде: короткая античная туника, голые ноги в сандалиях, рука со свитком протянута в сторону моря, по направлению к Константинополю и его проливам, что имело скрытое политическое значение.

Памятник этот сокращенно назывался Памятник Дюка, и даже еще лаконичнее: просто — Дюк.

...«мы вчера встретили его возле Дюка»...

Ядро, вделанное в цоколь Дюка, имело свою историю.

Во время Севастопольской кампании английский флот решил высадить в Одессе, как в ближайшем к осажденному Севастополю порту, десант, но нападение англичан было отбито, а стопушечный английский фрегат «Тигр» потоплен русской полевой артиллерией против Малого Фонтана, а снятая с него в виде трофея чугунная пушка была поставлена на деревянном лафете на вечные времена как памятник русской славы на том же Николаевском бульваре против изящного здания городской Думы работы архитектора Боффó.

Таким образом, гуляя иногда с покойной мамой на Николаевском бульваре под громадными пятнистыми платанами между пушкой и Дюком, проходя мимо бюста Пушкина, я узнал, что наш город, на вид такой разноязычный, мирный и беспечный, некогда переживал бурные дни и над его черепичными крышами летали неприятельские бомбы.

Смутно помню рассказ бабушки — маминой мамы,— слышанный ею, в свою очередь, от ее мамы, то есть моей прабабушки, историю артиллерийского прапорщика Щеголева, отбившего английский десант.

Дело заключалось в том, что на английском фрегате «Тигр» были дальнобойные морские пушки, а у нас на берегу всего лишь небольшие сухопутные полевые орудия, так что англичане доставали до нас, а мы до англичан не могли достать. Прапорщик Щеголев предложил смелый план — поставить наши полевые пушчонки на плавучие плашкóуты — плоты, вывести их в море поближе к английскому фрегату на расстояние выстрела и, открыв беглый огонь, потопить его. Прапорщику Щеголеву разрешили для этой цели набрать добровольцев, и он набрал команду отчаянных смельчаков из жителей одесских окраин — Пересыпи, Молдаванки, Дальника. Все это были молодые ремесленники, рабочие, портовые грузчики, наконец, просто одесские босяки — люди отчаянной храбрости и большие русские патриоты. Прапорщик Щеголев с их помощью сколотил плашкóуты, поставил на них свои легкие пушки и ночью вывел в море, против Малого Фонтана, сократив расстояние между ними и английским фрегатом до дистанции пушечного выстрела. Едва взошло солнце, начался бой, и прапорщик Щеголев, опередив англичан несколькими удачными залпами, потопил вдесятеро сильнейший фрегат, и английские паровые транспорты, крейсировавшие на горизонте, принуждены были убраться подобру́-поздорову́. Одесса была спасена.

Бабушка со слов своей мамы рассказывала, что прапорщик Щеголев сразу стал национальным героем и государь повелел произвести его в капитаны.

Но каким образом можно было произвести прапорщика прямо в капитаны? Воинский устав этого не предусматривал. Тогда нашли следующий выход. Весь гарнизон был выстроен на Куликовом поле; командующий военным округом вызвал из рядов прапорщика Щеголева и, вручив ему пакет с приказом и новые погоны, произвел его в подпоручики. Затем, после того, как подпоручик Щеголев вернулся в строй, его опять вызвали и произвели таким же образом в поручики, а через некоторое время опять вызвали и произвели в штабс-капитаны, а потом и в капитаны. Причем знамена войск были развернуты, и гремела военная музыка. Затем войска прошли перед капитаном Щеголевым церемониальным маршем.

Доходя до этого места, бабушка вытирала платочком слезы восторга, и я тоже начинал плакать от гордости за русскую армию и мечтал стать когда-нибудь таким же прапорщиком артиллерии, как Щеголев.

...Прапорщиком-то я стал, но дальше подпоручика не пошел...

В детстве я обходил вокруг Дюка, с изумлением разглядывая небольшое чугунное ядро, вделанное в цоколь. Я, конечно, понимал, что ядро не само собой застряло в памятнике Дюку: сначала оно отбило угловой кусок гранита из цоколя, а уже потом, может быть, через несколько лет после севастопольской войны, его навечно вделали в гранит с тем, чтобы оно напоминало гражданам города о его героическом прошлом.

Больше всего меня тревожил вопрос: куда девался осколок гранита, отбитый бомбой? Бомба нашлась, а где осколок гранита? Он должен быть где-то здесь, поблизости. Я был уверен, что найду его среди крупного отборного морского гравия, которым щедро посыпали дорожки Николаевского бульвара и в особенности площадку вокруг Дюка.

Маленький мальчик — я — ходил по скрипучему гравию, не отрывая глаз от гладких морских камешков, каждый миг надеясь увидеть среди них осколок гранита. Мальчик так ясно представлял себе, какой должен быть осколок: удлиненный, с острыми краями, кинжаловидный, розоватый. Мне казалось невероятным, чтобы осколок исчез. Наверное, он где-то тут поблизости, может быть, совсем рядом. Временами мне даже казалось, что я его вижу. Вот он, вот он! Я наклонялся, протягивал руку, но в тот же миг осколок исчезал, а у меня в руке оказывалась горсть гравия.

Я снова и снова продолжал поиски, бегая по дорожкам бульвара в тени вековых платанов, видевших живых Пушкина и Гоголя, среди цветников с винно-красными каннами.

Иногда в поисках осколка я добегал до чугунного бюста кудрявого Пушкина и любовался чугунными щекастыми дельфинами, украшавшими его цоколь: из круглых ртов дельфинов в чугунные раковины дугообразно лились перекрученные струи воды.

Но и здесь не было осколка.

...все это напоминало какой-то живописный сон, где не хватало какой-то самой главной, самой яркой краски или даже какого-то знакомого, но навсегда исчезнувшего из памяти слова, без которого все вокруг, не теряя своей красоты, теряло смысл, лишалось значения...

Мой детский ум никак не мог примириться с мыслью, что бомба попала в цоколь Дюка очень давно, когда ни меня, ни даже моей мамы еще не было на свете, и осколок давно уже исчез с бульвара. Я не мог смириться с властью времени над жизнью. Впрочем, тогда я даже вряд ли представлял себе, что время существует, и не бился над разрешением вопроса: память уничтожает время или время уничтожает память.

Самое удивительное заключалось в том, что каждый раз, проходя мимо Дюка, я искал глазами осколок. Даже сравнительно недавно, уже будучи стариком и приехав в родной город, пошел я на бульвар и поймал себя на том, что, гуляя вокруг Дюка, искал глазами на земле осколок, и мне казалось, что вот-вот, сию минуту, я его наконец найду.

...а сколько за эти годы пролетело надо мной и над моим городом бомб, снарядов, ракет, осколков?..

ТРАМБОВКА

Паровая трамбовка — зеленая, окутанная паром,— которая ездила туда и назад, трамбуя Французский бульвар уже дальше Юнкерского училища, дальше Пироговской улицы, где-то между дачей Вальтуха и ботаническим садом, привлекала мальчиков не только зрелищем своего механического движения, своей шумной работы, своей могучей силы, заставлявшей содрогаться стекла в домах и беситься лошадей, но также и потому, что в тех загородных районах, где она трамбовала шоссе, всегда недалеко от нее были насыпаны пирамидальные кучи щебенки — материала, из которого делалось шоссе.

Эту щебенку привозили издалека — с Урала, с Кавказа, из Донецкого бассейна, из Сибири, и она представляла собой выработанную пустую породу из разных рудников и шахт.

На первый взгляд кучи щебенки казались однообразно серыми, скучными, как всякий битый камень. Но в яркие дни, присмотревшись своими зоркими, пытливыми глазами, я однажды обнаружил, что каждый камень щебенки имеет свой особый, неповторимый цвет, свою особую структуру.

Иные из них горели яркой киноварью, иные отливали ляпис-лазурью, другие зеленели медянкой, и всюду между ними блестели грани разноцветных гранитов со вкрапленными в них слюдяными блестками и ярко-синими или темно-красными точками.

...под свист пара и тяжелый чугунный гул махового колеса — вернее, диска — трамбовки, я копался в кучах щебня, открывая для себя все новые и новые красоты минералов, предназначенные для покрытия Большефонтанного шоссе...

Эти камни казались мне драгоценными, в особенности небольшие, тяжелые металлически-желтые куски, так ярко блестевшие в лучах сухого сентябрьского солнца, что я всерьез принимал их за самородки золота.

Здесь были также самородки чистого серебра. Хотя такого в природе, кажется, не существует. Но я распоряжался законами природы по своему усмотрению.

Я набивал кусками щебенки ранец и карманы своих черных суконных гимназических брюк, а потом, пристроившись на выгоревшей траве ботанического, давно уже запущенного сада, под кустом жимолости или дикого орешника с поджаренными осенним солнцем, но еще зелеными листьями, кое-где стянутыми шелковинками паутины, рассматривал свои богатства, будучи совершенно уверен в том, что я держу в руках самородное золото, серебро, горный хрусталь, яшму, сердолики, яхонты, сапфиры...

Как чудесно было сидеть под жарким сентябрьским черноморским солнцем в своем зимнем гимназическом костюме, пропотевшем под мышками и под воротом, чувствовать накаленную солнцем кожу пояса, горячую мельхиоровую его пряжку, то и дело вытирать вспотевший под козырьком фуражки лоб, с которого еще не сошел летний загар, и перебирать — перекладывать с места на место — угловатые куски минералов, любуясь их драгоценным, металлическим и золотисто-слюдяным блеском.

В общем-то я, конечно, понимал, что это вовсе не драгоценные камни, а пустая порода, выработка — годные лишь для того, чтобы мостить шоссейные дороги; а настоящие драгоценные камни — золото, серебро, алмазы — остались там, в далеких краях невообразимо огромной и богатой Российской империи, в руках добытчиков, золотоискателей и миллионеров — промышленников, горнозаводчиков...

...Но кто его знает? Быть может, в кучах щебенки остались невыработанные драгоценности. Бывают же на свете чудеса.

Я, например, был почти уверен, что мне повезло и один из камней есть не что иное, как самородок золота: так жарко, драгоценно блестел он на солнце.

Кажется, попался мне также и небольшой кусочек густо-синего сапфира, вкрапленного в малиновый зернистый гранит, а что касается крупного прозрачного кристалла, то я не сомневался, что это горный хрусталь.

В конце концов я уверовал, что мне повезло, и чувствовал себя счастливчиком, которому привалило богатство.

У меня был заветный гривенник, накопленный из денег, которые давали мне на покупку свечки, отправляя меня каждое воскресенье в церковь. На радостях по дороге домой я купил в бакалейной лавочке полфунта самой дешевой серой халвы, сделанной на желтом кунжутном масле, и наелся ее до тошноты, так что на некоторое время потерял всякий интерес к своим камням.

Но вечером, когда папа вернулся с заседания педагогического совета, камни снова заманчиво засветились при свете керосиновой лампы. Я вывалил перед папой на письменный стол, окруженный с трех сторон деревянными перильцами-балясинками, на его слегка траченное молью зеленое сукно со старыми чернильными пятнами свои камни и стал допытываться, драгоценны ли они или нет?

Папа надел пенсне и стал рассматривать мою щебенку.

Он брал камни один за другим и подносил их к стеклам пенсне, а затем откладывал в сторону, педантично произнося:

— Гранит. Диорит. Базальт. Полевой шпат. Кварц. Опять полевой шпат. Боксит. Еще полевой шпат. Сланец. Сурьмяный блеск. Цинковая обманка.

...Я слушал эти названия, все еще надеясь, что они обозначают нечто драгоценное...

Но у папы было такое равнодушное выражение лица, что надежды мои на обогащение таяли с каждой минутой.

— А это разве не самородок золота? — спросил я, когда очередь дошла до сверкающего при свете настольной лампы под зеленым абажуром желтого минерала.

Папа усмехнулся.

— Должен тебя огорчить,— сказал он,— это обыкновенный медный колчедан.

— А почему же он блестит как самородок чистого золота?

— Потому-то и блестит, что не золото,— ответил папа,— настоящее самородное золото тусклого, матового оттенка и мало похоже на то золото, которое мы привыкли видеть в витринах ювелирных магазинов. Кроме того, если бы это было настоящее золото, то оно было бы неизмеримо тяжелее. А это обыкновенный медный колчедан. Словом, как говорит мудрая русская пословица, не все то золото, что блестит,— назидательно закончил по своему обыкновению папа и улыбнулся педагогической улыбкой.

Остался последний шанс: горный хрусталь.

Я показал папе крупный друз прозрачного минерала, в гранях которого отражался вечер в нашей квартире с папиной зеленой лампой.

— А это, скажешь, не горный хрусталь? — спросил я с надеждой.

— Должен тебя разочаровать,— ответил папа, едва удостоив взглядом минерал в моей руке. — Это отнюдь не горный хрусталь, а самый обыкновенный кварц — повсеместно распространенная горная порода.

Я был подавлен. Мои сокровища на глазах превратились в кучу камней, не имевших никакой ценности. Они вдруг потускнели, потеряли силу своих металлических оттенков, сделались неуклюжими, серыми, как та дешевая халва на вонючем кунжутном масле, отвратительный вкус которой я все время ощущал на языке и на гортани.

...ну, что ж: рухнула еще одна иллюзия. Значит, такова жизнь...

Я молча забрал с папиного стола камни, отнес их в кухню и бросил в мусорное ведро, причем они как-то скучно, глухо, вульгарно застучали. Когда же я вернулся в нашу общую комнату — спальню и кабинет,— папа, согнув спину в домашнем люстриновом пиджаке, уже исправлял красно-синим карандашом ученические тетрадки, беря их одну за другой из стопки.

Горела лампа под прозрачным зеленым абажуром, освещая папин письменный стол, называвшийся у нас почему-то конторкой. На этой конторке всегда находился письменный малахитовый прибор: доска с желобом, на которой стояли две стеклянные кубические чернильницы, два медных подсвечника с медными ручками на малахитовых подставках, медный нож для разрезания книг с малахитовым черенком, медная чашечка на малахитовой подставке для кнопок и марок и медный прибор на малахитовой же подставке, куда затыкалась между двух пластинок коробка спичек, малахитовое пресс-папье. Была еще малахитовая ручка, но она давно уже сломалась. Это было наследство, доставшееся папе от его папы. Я слышал историю этого старинного малахитового прибора, в свою очередь, полученного моим вятским дедушкой от своего отца, моего прадедушки.

Малахитовый прибор был куплен в Екатеринбурге, на Урале, где добывалось много малахита. В свое время прибор этот был очень красив и ярок, но с течением времени потускнел и местами камень отбился, а медные части подсвечников, закапанные стеарином, позеленели.

Он не имел вида.

Но иногда, под большие праздники, папа его собственноручно чистил и мыл, и после этого он вдруг преображался: нарядно блестела медь, а малахитовые доски и подставки светились такой яркой, прозрачной зеленью в прожилках и зигзагах, как зеленые черноморские волны, написанные Айвазовским.

И меня не удивляло, что эта фамильная вещь считалась почти драгоценной.

Окончание следует.

Шубхаш МУКХОПАДХАЙ

Видный индийский прогрессивный писатель Шубхаш Мукхопадхай широко известен у себя на родине как автор многих ярких, новаторских поэтических сборников. Им переведены на бенгальский язык «Песнь о Буревестнике» М. Горького, стихи Назыма Хикмета. Неоднократно он бывал в Советском Союзе, выступал на Пушкинском празднике поэзии.

НЕОБОРИМЫЙ ГРЯДУЩИЙ СВЕТ

Как далеко бы я ни уходил...

Как далеко бы я ни уходил,
повсюду у меня в ушах журчит
моя река,
из говорливых волн
вдоль берега плетущая гирлянду.

Как далеко бы я ни уходил,
повсюду у меня в глазах стоит
наш тихий дворик,
чисто вымытый с утра,
где от ворот до самого порога
следы начерчены по влажному песку —
следы от ног босых:
как будто
в самом деле
богиня Лакшми рано утром здесь прошла
и запросто к нам в гости заглянула.
Как далеко бы я ни уходил...

На демонстрацию

— Стойте!.. Что за толпа?
Куда идет?..
— А разве ты нас не узнал?
Мы — народ.

Мы — люди селений, пашен, лугов,
ткацких станков,
наковален,
плугов,
мы — добыватели хлеба и джута,
железа и пряжи —
с мышцами крепче меди,
с костями чернее сажи,
те, кто для вас и сеет, и ткет, и кует,
мы — народ.

— Что вы несете?
— А сам не видишь?
Не плуг, не мотыгу —
флаг несем.

— Куда вы идете?
— К радже-притеснителю,
пора напомнить
кое о чем...

— Стойте!..
— А ну-ка, добром пропусти,
с нами не спорь,
убирайся с пути.
Не пробуй словами нас удержать —
ответим:
нет!
Не пробуй штыками нам угрожать —
ответим:
нет!

С дороги!
Сегодня мы мирно идем,
а завтра готовы и насмерть драться.

Пошли, друзья, а не то опоздаем
на демонстрацию.

Непокорные корни

О черную круглую глыбу
угрюмого небосвода
жадная молния
точит и точит
тигриные когти свои.

Близится неумолимая буря.

Бегут на крохотных ножках,
тычутся в камешки,
в ямки лезут
встревоженные муравьи.
Страх по полям разливается,
дрожат острия травинок,
а в хрупких гнездах
бьются-трепещут
крылья испуганных птиц.

Что ж,
если близится буря —
так пусть поскорей приходит,
пусть громом грозит —
не исказит
наших суровых лиц.

Будем стоять
там, где стоим!
В свинцовое небо гневно глядим:
будет упорною черная буря,
но наши сердца —
упорней.

Грудью
порывы грозы отразим —
глубже в колючие комья вонзим
непокорные
корни.

Накануне Нового года

— Послушай, сынок,
ну что ты, глупыш, грустишь?
День новогодний завтра придет,
во всех домах
праздник большой настает,—
чем бы тебя порадовать, мой малыш,
какой подарок ты хочешь
на Новый год?

— Знаешь, чего хочу?
Молока хочу!
Каждое-каждое утро по полной кружке!
А еще... а еще на базаре купи
две глиняные игрушки...

— Давай-ка мы лучше купим
коробку хороших красок —
ярких-преярких, как из волшебных сказок!
Их разведешь да пó небу разольешь —
сразу увидишь:
станет оно
красно, оранжево, зелено.

И по земле разлей —
чтоб стала пестрей, веселей,
и люди будут дышать вольнее,
и люди будут мечтать смелее,
когда мы расстелем
по этой несчастной земле
новую Землю.

Вечером после дождя

По шаткому мостику из бамбука
на берег другой
с трудом перебравшись,
глину меся
босыми ступнями,
скрылся закат за бугром.

Стихла гроза,
но в клубящемся небе,
угомониться еще не желая,
изредка
листовым железом
еще громыхает гром.

Смеркается,
ливень уже не хлещет,
и лишь, уцепившись за мокрые ветки,
подрагивают
тяжелые капли
на ветерке сыром.

«Должен хороший рис уродиться!» —
так говорит
молодая крестьянка,
глядя с порога
на черную землю,
усеянную серебром.

Светильник взяла,
подошла к навесу,
яркий огонь
заслонив ладонью,
и вкруг нее
темнота заплясала
над непросохшим двором.

Иду к тебе

В небо гляжу, в ненастное,
дымное небо — твое лицо.
Глаза смежу, ладонями их прикрою —
твое лицо.
Ты — далеко,
ты в дали недоступной ждешь,
но, заглушая глухие угрозы грома,
меня зовешь.

Под глыбами дней,
как жалобный стон ребенка,—
чей-то плач.
Молящий о жизни,
дрожащий от поступи смерти
чей-то плач.
Вот почему
неотрывно глядишь и ждешь
и, заглушая свирепые крики бури,
меня зовешь.

Иду к тебе!
Руками, локтями, плечами тьму разрывая,
к тебе иду.
Сквозь космы огня, развалины дряхлого мрака
к тебе иду.
Кто в грудь мою направляет штык?
Назад, презренный!
Кто стены угрюмые эти воздвиг?
Ломайте стены!

В этот озлобленный,
страхом раздробленный,
ложью и кровью затопленный мир
свет я несу,
радостный свет —
свет долгожданный,
прекрасней которого нет:
неукротимый и неугасимый,
необоримый
грядущий
свет.

Перевел с бенгальского С. Северцев.

Зинаида Воронина.

Виктор Дмитриев и Тамара Лазакович. ▼

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

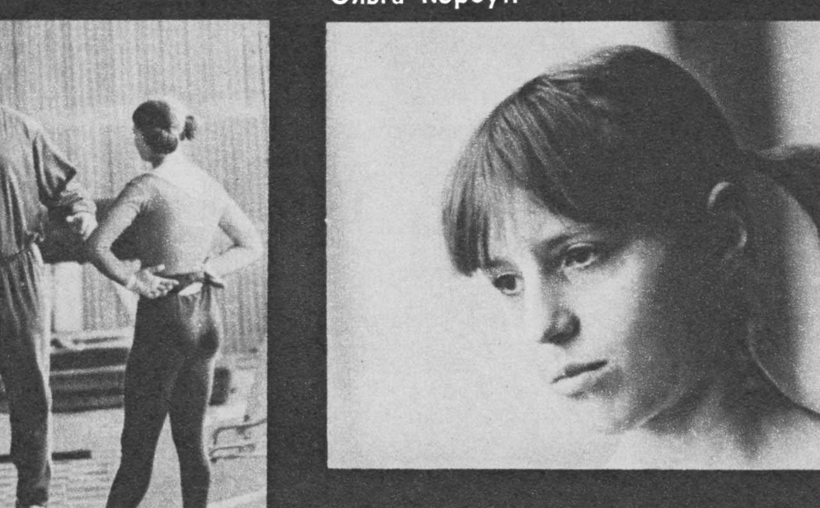
В МАСТЕРСКОЙ ГРАЦИЙ

Фото А. БОЧИНИНА.

Людмила Турищева и ее тренер В. Растороцкий.

Ольга Корбут.

Любовь Бурда.

В МАСТЕРСКОЙ ГРАЦИЙ

Гимнастки! Юные наши красавицы, грациозные, изящные и вместе с тем сильные, азартные, умеющие держать в руках не только перекладины брусьев, но и свои нервы, кто не восхищается их мастерством и непобедимостью! Сколько побед одержано ими на крупнейших международных соревнованиях, на Олимпийских играх! В Хельсинки наибольшего успеха добились Мария Гороховская и Нина Бочарова, в Мельбурне — Лариса Латынина и Софья Муратова, в Риме — снова Лариса Латынина и Полина Астахова, в Токио опять среди лучших гимнасток мира мы видели двух советских спортсменок, столь успешно выступавших на предыдущей Олимпиаде, а в Мехико Наталия Кучинская и Лариса Петрик вызывали всеобщий восторг.

И вот мы на тренировке гимнасток, которые претендуют на участие в мюнхенской Олимпиаде, и из тех, кто выступал на мексиканском помосте, видим всего лишь четырех: Зинаиду Воронину, Ольгу Карасеву, Людмилу Турищеву и Любовь Бурду. Все остальные — олимпийские новички, появившиеся в сборной в последние три-четыре года. Но за это время новое пополнение сумело добиться великолепных результатов, ведь сегодняшняя гимнастика по сравнению со вчерашней стала неизмеримо сложней.

Что же собой представляет сегодняшняя гимнастика? Кто они, сегодняшние гимнастические грации? На эти вопросы «Огонька» отвечает старший тренер сборной команды, двукратная олимпийская чемпионка в личном первенстве и трехкратная в командном Лариса Латынина.

Эстафета через годы. Лариса Латынина и Ольга Корбут.

Часто на тренировках, наблюдая за ходом занятий, я ловлю себя на мысли: «Неужели это та самая гимнастика? Ох, как же ты изменилась за эти годы!» И невольно задаешь себе вопрос: а как бы мы, гимнастки, выступавшие восемь лет назад, чувствовали себя сегодня в этом зале, у этих снарядов, у этого зеркала, на этом ковре?

Все гимнастические атрибуты остались прежние — разновысокие брусья, конь, бревно, вольные упражнения, и формула борьбы та же — обязательная плюс произвольная программа, а сама гимнастика стала другой, более динамичной, разнообразной, сложной.

Вот несколько примеров, характеризующих эти перемены. Как известно, бревно не зря называют «контрольно-пропускным» пунктом, этот коварный снаряд не раз преграждал путь к победе сильнейшим гимнасткам мира, и вот теперь выступать на нем стало значительно труднее, чем раньше. Еще недавно гимнастка имела право останавливаться во время выполнения своей комбинации на бревне и использовать эти паузы и перед исполнением сложных элементов и во время исполнения красивых поз. Теперь же она имеет право только на три паузы, не больше. По динамике, по насыщенности акробатическими элементами упражнение на бревне приблизилось к вольным упражнениям. Разница лишь в том, что на вольных в распоряжении спортсменки площадь ковра размером двенадцать на двенадцать метров, а на бревне узкая полоска шириною всего в десять сантиметров.

Очень усложнилось исполнение опорного прыжка. Раньше команда, в которую входит шесть гимнасток, могла использовать какой-нибудь один прыжок, а теперь в команде не должно быть более четырех прыжков одинаковых. Правда, в правилах перечислено 23 прыжка, которыми может пользоваться спортсменка, но все дело в том, что до сих пор наиболее ходовыми, популярными являлись всего пять-шесть. Теперь от нас требуется значительное расширение прыжкового ассортимента.

Серьезные изменения внесла международная федерация в обязательную программу. Если до последнего времени обязательная программа полностью соответствовала своему названию, то теперь она больше приблизилась к произвольной. Участницам Олимпиады предлагается лишь набор комбинаций, из которых каждая спортсменка может строить свою обязательную программу. Это делает выступление зрительней, разнообразней, но, конечно, требует значительно больших усилий для ее подготовки.

Произвольная программа на первый взгляд не подверглась каким-либо изменениям, но это только на первый взгляд, а по существу, и здесь введены серьезные поправки. На Олимпийских играх в Мехико гимнастки имели возможность вводить в свою произвольную программу сложные элементы, рассчитывая на то, что если они их и выполнят не очень четко, то судьи отнесутся к этому снисходительно, а теперь если ты включаешь элементы «ультра-си», то изволь их освоить и выполнить абсолютно четко.

И, наконец, еще одно нововведение. Если ранее команда имела на разминку пять минут, то теперь лимит времени сокращен до трех, а это значит, что спортсменка перед выступлением на снаряде располагает всего тридцатью секундами, и этого времени может ей хватить лишь на установку мостика или проверку хвата.

Темп, динамика, безукоризненная точность, неутомимость в сочетании с артистичностью, эстетикой движений, композиционным мастерством — вот что такое современная гимнастика. Что же удивительного в том, что за последнее время так возросла роль тренировок?

Итак, мы с вами в мастерской юных граций. В тренировочном зале занимается сборная команда страны, и среди спортсменок мы не видим двух лидеров времен мексиканской Олимпиады — Наташи Кучинской и Ларисы Петрик. Они простились с гимнастикой, а на места лидеров перешли чемпионка мира и Европы Людмила Турищева и чемпионка Спартакиады народов СССР Любовь Бурда. А ведь в Мехико и та и другая занимали места на самом левом фланге команды. Теперь же они ведут за собой новое поколение советских гимнасток.

Среди спортсменок последнего призыва прежде всего должна быть упомянута 18-летняя гимнастка из Витебска, ученица тренера В. Дмитриева Тамара Лазакович. Она обратила на себя внимание еще перед мексиканской Олимпиадой. Уже тогда 14-летняя девочка имела большие шансы на включение в сборную, но не выдержала последних прикидок и осталась дома. И вот теперь Тамара — абсолютная чемпионка первенства Европы, она разделила в Минске с Людмилой Турищевой первое и второе места.

Рядом с Тамарой Лазакович стоит 17-летняя спортсменка из Гродно, воспитанница Р. Кныша — Оля Корбут. За ее плечами уже трехлетний стаж выступлений на крупнейших соревнованиях, и отличают ее высокая техника и бесстрашие. Оля — единственная исполнительница ряда новых труднейших гимнастических элементов, которые она с успехом исполняет на брусьях и на бревне.

Уверенно чувствует себя в сборной совсем еще юная гимнастка из Тбилиси, ученица С. Бурджанидзе — Нина Дронова. Ей только 14 лет, но ее способности таковы, что для нее сделано исключение из правил, по которым юных гимнасток не допускают на соревнования взрослых спортсменок.

Многого мы ждем еще от одной, белорусской гимнастки Антонины Кошель, которую тренирует В. Хомутов, и от ученицы И. Вечерской Ольги Ворошилиной. Есть у нас и другие прекрасные молодые гимнастки на примете, которые вполне могут претендовать на поездку в Мюнхен: Эльвира Саади из Ташкента, Татьяна Щеголькова из Риги, Русудан Сихарулидзе из Батуми. На Олимпийские игры должны попасть только самые лучшие, иначе мы не сможем выдержать предстоящего трудного испытания. Если до недавнего времени и в личном и в командном зачете главными «оппонентами» советских гимнасток были чехословацкие гимнастки, то, судя по всему, в Мюнхене нашими основными соперницами станут гимнастки ГДР, спортсменки очень высокого класса. Уже в Мехико они оттеснили на 4-е место японок, а на чемпионатах мира и Европы в Любляне и Минске были вторыми. Эрика Цухгольд и Карин Янц с полным правом могут претендовать на золотые медали...

Идут последние, решающие тренировки, последние отборочные соревнования, и в зеркалах тренировочных залов гимнастки видят уже олимпийский помост в Мюнхене.

В. Сизиков (Харьков). ДАЛИ ПОЛТАВЩИНЫ.

Выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

Э. Романеску (Кишинев). ОСЕННЯЯ ПАХОТА.

Выставка произведений художников Белорусской ССР и Молдавской ССР.

М. Данциг (Минск). МОЙ ГОРОД ДРЕВНИЙ, МОЛОДОЙ.

Выставка произведений художников Белорусской ССР и Молдавской ССР.

С большим удовлетворением советские люди встретили опубликованные в печати постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма. В почте «Огонька» немало писем, в которых читатели гневно говорят об этом тяжком пережитке прошлого.

ДЕЙСТВОВАТЬ СТРОГО, РЕШИТЕЛЬНО!

«Жизнь требует применения самых суровых мер к пьяницам, растлевающим наше социалистическое общество,— **пишет М. Новгородов из Липецка.**— Я живу на Советской улице, против станкостроительного завода. Ежедневно наблюдаю, как во время перерыва любители зеленого змия сломя голову летят прямо из заводских ворот в «гастроном» и, никого не стесняясь, тут же или в столовой распивают бутылку водки. И никто их не остановит, не возмутится. Все стараются не замечать, стыдливо отворачиваются».

Авторы многих писем, так же как и тов. Новгородов, справедливо негодуют по поводу либерального отношения к пьянству, снисходительных улыбок друзей: «Ну выпил больше, чем положено. Эка беда!» Да, беда, и наша снисходительность порой приводит к трагическим историям.

«В семье у нас трагедия. У меня пьет сын, ему 30 лет, и нет больше сил смотреть на сына-алкоголика. Я считаю, что таких нужно отправлять сразу на лечение. И следить за тем, чтобы они не уклонялись от лечения. Ведь гибнут люди и страдают семьи». **Е. С. (Ленинград).**

Быть может, и сын этой женщины так же, как те пьяницы, о которых сообщает нам М. Новгородов, начинал с того же: во время обеденного перерыва в компании распивал пол-литра при благосклонном «нейтралитете» товарищей: «Подумаешь, ну, хватил сегодня лишнего...» А кончилось-то несчастьем.

В откликах читателей звучит тревожная мысль о том, что кое-где попустительство пьянству стало серьезной бедой. Особенно опасны защитники так называемой выпивки «с получки». При этом иные занимают такую позицию (ТОВ. СТРОИЛОВ ИЗ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ): «Зачем же за углом, украдкой, «на троих», когда можно «по-культурному» где-нибудь в благопристойном месте, где можно за выпивкой поговорить о том о сем...» Но в жизни практически, увы, часто складывается по-другому. И при ближайшем рассмотрении все эти места, куда якобы человек приходит посидеть с приятелем, побеседовать, газету почитать и выпить рюмку водки, к сожалению, частенько выглядят весьма непристойно. И здесь гнев читателей обращен в адрес торгующих организаций. Работница фенольного завода ТОВ. ТЕРЕХИНА сообщает: «Торгующие организации понаставили везде буфетов, ресторанов, чайных (в которых чая и днем с огнем не найдешь) — пей не хочу. У нас в Новгородском, Донецкой области, построили красивую столовую, но и об алкоголиках не забыли: со стороны двора — открытая веранда, красивые столы, фонтан. И что же? Целыми днями тут полно пьяниц...»

«В нашем майкопском парке культуры и отдыха было выстроено 2 павильона для продажи мороженого, прохладительных напитков и всяких сластей,— **пишет тов. Г. Белоусов.**— Туда ходили целыми семьями, с детьми. Было тихо, спокойно, приятно. Но так продолжалось недолго. Постепенно пиво и вино начисто вытеснили оттуда мороженое с лимонадом. Сейчас в этих павильонах гудит хмельная братва, на столах вино, пиво, перцовка, холодные закуски, в воздухе — табачный дым и крепкие выражения».

Письма эти — серьезный укор работникам общественного питания, торговли. К сожалению, при явном их попустительстве «хмельная братва» вольготно чувствовала себя даже в тех кафе, чайных, магазинах кулинарии, где на самом видном месте висит объявление: «Здесь распивать строго запрещается». Один из читателей, **москвич В. Круглов,** обращает внимание на эти факты и негодуя спрашивает: «Почему же столь равнодушно взирает на это милиция? Я ни разу не видел, чтобы милиция оштрафовала директора кафе или магазина кулинарии, где на глазах продавцов распивают водку. Возможно, что продавщица и побаивается пьяниц — я слышал такое объяснение. Но почему бы милиции не заглядывать почаще в места пьяного разгула?»

Н. Снопов из Калужской области считает, что надо отказаться от распространенной традиции: пришли гости — ставь вино на стол.

«Смешно и грустно бывает смотреть, как проходят иные торжества. Избирается тамада, то есть организатор попойки; с рюмкой в руке он настойчиво уговаривает каждого непьющего, даже женщин, девушек, а то и детей. И маскируется все это тостом — за здоровье родителей, за успехи по службе. Не пора ли восстать против такого уродства! Зачем навязывать гостю, который и не хочет пить, чтобы он обязательно пил, и много пил: «Не обижай, мол, хозяина...»?

Это уже становится бедственным обычаем: человеку, пришедшему в гости, обязательно надо предложить вино. Но почему? А если чай с вареньем?.. «Неудобно, дескать, что ж, мой дом хуже других, что ли?». Конечно, свадьба без шампанского не свадьба, и без тоста новоселье не новоселье. Только ханжа может спрашивать: почему в день рождения провозглашают тост за новорожденного? Так что крайности тут не нужны. Вопрос, поднимаемый Н. Сноповым, видимо, нужно поставить несколько иначе: новоселье, день рождения, получение награды — все это не повод для того, чтобы напиваться до бесчувствия.

Тов. В. Зарайкин из Аркалыка, Кустанайской области, пишет: «Сегодня мало найдется людей, которые не знали бы о вреде, приносимом алкоголем. На эту тему читается много лекций, докладов и пр. Но число алкоголиков не убывает. Значит, нужны более действенные меры. И среди них, по-моему, важное средство — это лечение. К сожалению, наша медицина не нашла до сих пор радикальных методов лечения этой болезни».

Некоторые читатели, не отрицая огромного значения мер воспитательных, настаивают на мерах принудительных.

«Злостные алкоголики поняли свою безнаказанность, они не боятся ни наших «страшных» слов, ни пресловутого антабуса — пьют водку после лечения. Не время ли более организованно взяться за дело? Почему нельзя в каждом районе провести точный учет алкоголиков и решить судьбу каждого? Не чохом, а персонально, поименно!». **Л. Н. (Рига).**

Именно так и поступили на Киевском радиозаводе. Здесь создали общезаводской штаб по борьбе с алкоголизмом и правонарушителями. Пьяниц решили лечить, но не только: над каждым, кто получил направление к врачу, устанавливается персональное шефство. Штаб широко использует разные формы борьбы с пьянством — и разговор на общем собрании, и строгие предупреждения, и товарищеский суд, и лишение тринадцатой зарплаты, и настойчивая борьба за то, чтобы закрыли расположенный рядом с заводом винный магазин — приют алкоголиков. Борьба эта уже завершилась: магазин закрыт...

Разговор о борьбе с пьянством — это еще и разговор о семье, детях.

«Самая первая жертва пьянства — жена, она больше всех других переживает и мается. А надо, чтоб было так: если человек систематически пьет, то его жене следует обращаться в соответствующую комиссию, и та (конечно, без ссылки на нее) направляет пьяницу на лечение. Если надо, то и принудительно». **Н. М. (Москва).**

«Многие меры борьбы с алкоголизмом ущемляют прежде всего семью,— **пишет из Львова тов. Бакаева.**— Дали, скажем, пропойце 15 суток — жена отказывает детям в молоке и вносит за него штраф. Забулдыга полмесяца не работает. Опять семья в накладе. Сняли его с очереди на получение квартиры — кто первым страдает? Дети и жена. Наконец совместная жизнь становится невмоготу и назревает развод. Суд не откажет — разведут. Но как быть с квартирой? Бывший муженек по-прежнему приходит, что называется, в стельку. Он скандалит, сквернословит. Общественность уговаривает его. А надо бы так: состоялся развод из-за пьянства — немедленно алкоголика из квартиры вон».

Много в письмах предложений, касающихся торговли спиртными напитками. «Если во время обеденного перерыва в магазине вам потребуется сахар или чай, вы его ни за какие блага не получите. А если в это же время захотите водку получить — пожалуйста: двери магазина сразу приоткроются, и падкая до мзды рука протянет вам поллитровку. Разве не ясно, что все это способствует расцвету алкоголизма и растлевает самих торговых работников?! Надо строго наказывать торговых работников за попустительство пьяницам». **К. Бобрышев (город Апшеронск, Краснодарского края).** О том же пишут **К. Жакеева из Сургута, Тюменской области, и Я. Н-в из Львова.**

В потоке писем есть и такие, где ведется серьезный разговор о досуге, о том, что во многих поселках человеку некуда пойти в свободное время. Культурно-просветительные учреждения, организации порой ничего не могут противопоставить таким «развлечениям», как выпивка, азартная игра. Например, в ПОСЕЛКЕ КОДИНО, АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ, один клуб на 10 тысяч человек. Работа клуба сводится к демонстрации старых кинофильмов. Авторы писем справедливо отмечают: там, где проявлена забота об отдыхе, досуге трудящихся, там легче бороться с пьянством.

Во всех читательских письмах отражена высокая заинтересованность нашего общества в быстрейшем пресечении алкоголизма. Предложений много, они разные, может быть, некоторые из них не бесспорны, но общий вывод единодушен: надо действовать тут строго и решительно.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН, ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ

Н. ИГНАТОВА

Фестиваль и смотр...

Всесоюзный фестиваль драматургии и театрального искусства народов СССР и Всесоюзный смотр работы театров с молодыми артистами и творческих достижений артистической молодежи.

Эти два события, а точнее, подготовка к ним, определили главное направление жизни театров, ее ритм и ход в только что закончившемся сезоне. Этим же определен и выбор премьер, о которых пойдет речь.

Так уж повелось: лучшие пьесы, появлявшиеся в разное время в разных республиках, идут по всей стране. Но, пожалуй, еще никогда обмен пьесами не был так широк, активен, как в этом году,— в канун славного юбилея пятидесятилетия образования СССР. Особым дружеским творческим вниманием к драматургии братских республик ознаменовали нынче свою работу все наши театры.

Только на московских сценах идет около двадцати пьес, созданных в разных республиках; более двухсот — в театрах Российской Федерации и почти столько же в театрах других республик. А сколько еще репетируется, сколько намечено в ближайших планах!.. И, естественно, этот интерес театров к драматургии всех наций и народностей вызвал ответную волну: появилось немало пьес, достойных внимания зрителей. Назовем лучшие. Это «Дезертиры» О. Сосина и А. Полторака, «Птицы нашей молодости» И. Друцэ, «За девятым порогом» А. Коломийца, «Салават» М. Карима, «Везучий Букен» А. Тарази. Многие театры включили их в свои планы. И, может быть, в следующем сезоне их ждет такая же счастливая участь, какой удостоились «Человек со стороны» И. Дворецкого, «Трибунал» и «Затюканный апостол» А. Макаенка, «А зори здесь тихие» Б. Васильева, «Не беспокойся, мама» Н. Думбадзе, «Пока арба не перевернулась» О. Иоселиани, «Амнистия» Н. Матуковского, «В ночь лунного затмения» М. Карима, инсценировки повестей Ч. Айтматова... Все это произведения, поставленные во многих театрах страны.

И не будем гадать, случайно или не случайно именно в нынешнем году особое внимание было обращено к театральной молодежи. Хотя какая же тут случайность? Разве не закономерно в дни юбилеев и подготовки к ним в первую очередь думать и заботиться о будущем?

...Звучит украинская речь. На сцене Украинского академического драматического театра имени Т. Г. Шевченко — пятеро русских девчат-зенитчиц из повести Б. Васильева «А зори здесь тихие». Едва вступив в жизнь, они кладут ее, единственную, на алтарь Советской Отчизны, защищая Родину до последнего вздоха.

...Звучит украинская речь. На сцене Полтавского театра — срубленная из толстенных бревен белорусская изба, и белорусский мужичок Терешка — эту роль в спектакле «Трибунал» вдохновенно исполняет молодой украинский актер Ю. Попов,— беззаветно любя свою Беларусь, свою Советскую Отчизну, ведет смертельную игру с предателем-полицаем и немцем-комендантом. Игру, в которой ставка — жизнь.

...Звучит украинская речь. На сцене театра в Черновцах молодой актер В. Шептекита «купается» в роли грузинского парнишки Зурико. На сцене — высокие нежно-зеленые горы, маленькое гурийское селение, неторопливая жизнь, полная своих забот и радостей. Своих и общих. Идет спектакль «Я, бабушка, Илико и Илларион» Н. Думбадзе и Г. Лордкипанидзе.

С Украины начался этот разговор потому, что именно здесь раньше, чем в других республиках, прошел Республиканский фестиваль драматургии братских республик.

...В самом сердце Тянь-Шаньских гор, на дальних выпасах чабаны-киргизы с волнением смотрят печальную повесть о двух влюбленных, о гордом и любящем сердце матери, рассказанную поэтично, светло, ярко башкирским писателем Мустаем Каримом. На открытой площадке — самый «высокогорный» театр нашей страны, Нарынский музыкально-драматический, показывает свою премьеру «В ночь лунного затмения». Поэзия башкирского народа, образный строй его мыслей, страницы его истории проникают в сердце зрителя-киргиза, обогащают его духовный мир, еще крепче роднят эти народы.

В степной столице Казахстана Целинограде поставлена в этом сезоне комедия украинского драматурга Н. Зарудного «Рим, 17, до востребования».

Кто не знает, как многонациональна промышленная столица Казахстана Караганда. И легко представить, сколь велика здесь роль русского театра, играющего на языке, который признан всеми нациями и народностями как могучее орудие «взаимосвязи и сплочения советских народов», как средство приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры.

Мне и раньше доводилось видеть спектакли этого театра. Нынче я посмотрела здесь одну из премьер сезона — комедию А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся». И пусть не обидятся на меня актеры старшего поколения, но и в этом спектакле — впрочем, весьма спорном по трактовке пьесы — мне показалась особенно яркой игра молодых исполнителей ролей Липочки — Н. Штоколовой, Подхалюзина — Г. Григорова и Тишки — А. Мищенко. Запомнились они, может быть, потому, что именно в этих, заостренно комедийных образах наиболее отчетливо прослеживались актерский поиск характера, обновление их психологической и социальной структуры.

Итак, разговор об актерской молодежи... Как, в каком направлении вела она поиск сценических характеров. Что нового внесла в трактовку классических и советских пьес. И какую роль играет этот многонациональный репертуар в воспитании молодых актеров, воспитании художественном, политическом, нравственном...

...На сцене в окружении боярнедругов умирал человек. По законам оперы он то пел, то проговаривал речитативом слова, в которых звучали боль и гнев, смятение и раскаяние... Судьба малолетнего сына и дочери-невесты тревожила его безмерно — он как будто предчувствовал скорбную участь детей. Но главное — грех терзал его душу...

На сцене Киргизского академического театра оперы и балета молодой киргизский актер Булат Минжилкиев впервые выступал в роли царя Бориса в русской классической опере «Борис Годунов»...

Не о красоте и силе его голоса пойдет здесь речь, а о прочтении актером пушкинской роли. ...Как вошел его Борис в светлицу дочери — по-домашнему просто, как с затаенной болью стал разговаривать с дочерью и сыном, а муки совести — мы чувствовали это — ни на минуту не покидали его!.. Это читалось в его глазах, в замедленности и усталости движений. И даже какая-то беззащитность вдруг проявилась у него в сцене с Василием Шуйским — уж и совсем неожиданная для этого характера. Ни привычной для образа царственности, ни властности в голосе и взоре. Вдруг стало ясно: да ведь этому Борису сейчас совсем не нужна власть — она не тешит его. И как бы впервые прочитались пушкинские слова: ни жизнь, ни власть меня не веселят.

Минжилкиев был прост и естествен в роли от начала до конца.

Можно, конечно, спорить с такой трактовкой или искать объяснение ее в лирическом характере дарования актера, в его индивидуальности. Но можно подумать и о другом. Не зависит ли такой подход к роли, осмысление ее артистом от изменений в духовном облике советского человека, в его нравственной структуре.

Властность, стремление распоряжаться чужими судьбами, утверждать свою личную волю, чужды советским людям.

Так, в русскую классическую пьесу молодой киргизский актер вносит новые краски, свое видение роли, свое сегодняшнее понимание образа. Это ли не знаки времени, черты нового искусства, социалистического по содержанию, национального по форме, интернационального по самой своей сущности?

А рядом, в соседней республике, в Казахстане, на сцене Казахского академического театра драмы имени М. Ауэзова с успехом идет премьера этого сезона «Мать своих детей» А. Афиногенова. И тут тоже напряженный поиск характера. И тут проявляется нечто новое в немолодой, но и несостарившейся пьесе русского советского драматурга.

...Долговязый, худущий подросток и еще не старая бабушка — бабушка «во цвете лет», сохранившая и силу, и живой блеск глаз, и легкость походки... Этот «дуэт поколений» составили знаменитая казахская актриса Сабира Майканова и молодая актриса Рахилям Машурова. Нет, этот мальчишка Марат — вовсе не барчук, не зазнавшийся спесивый недоросль, каким не раз представляли его на сцене. Это веселый, живой парнишка, просто не переносящий унизительной для него, назойливой материнской опеки. Он добр, способен на любой разумный поступок, но действует лишь по собственной инициативе,

Алма-Ата. С. Майканова и Р. Машурова в спектакле «Мать своих детей».

Фото М. Корсунского, Б. Файтлина, И. Шлугер.

убежденный обстоятельствами. Да и бабушка его — такая, какой ее играет Майканова,— не способна была бы на слепую любовь и не стала бы возиться с нахальным бездельником-внуком.

Образ Марата пережил на казахской сцене процесс некоторого умственного повзросления: он многое понимает, не по летам тонко чувствует... Освобожденное от излишнего бытовизма решение образа матери, ее отношения с другими персонажами, удачно найденные пролог и эпилог, музыкальное и художественное оформление спектакля позволили как бы раздвинуть рамки пьесы, придать ей большую масштабность, обобщенность.

...В пьесе молодого литовского драматурга Виолетты Пальчинскайте «Я догоняю лето», поставленной в Киевском ТЮЗе имени Ленинского комсомола, причудливо переплелись веселье и грусть, философия и сказка.

Из осеннего города, где дождь, слякоть и ветер, промокший, озябший Смильгютис — соломенный человечек — приводит маленькую девочку в город Лето, где всегда цветут цветы, зреют фрукты и ягоды — жители этого города.

Ах, этот синеглазый Смильгютис!.. Удивительное существо!.. И сам-то — в чем душа держится — всего лишь хрупкая желтенькая

Произведение это, казалось бы, на сложную для детского восприятия тему — о счастье истинном и мнимом, о справедливости, о силе дружбы и товарищества — сыграно киевскими тюзовцами тепло и доходчиво, весело, на понятном детям образном языке.

В Зурико В. Шепткита за беззаботностью и неунывающей простотой грузинского подростка, а потом юноши, за национальным своеобразием его поэтической натуры явственно просвечивают черты, свойственные советским людям вообще, органическая уверенность в завтрашнем дне, в дружелюбии и товарищество не только близких — бабушки, Илико и Иллариона,— но и всех, кто встречается на пути...

Социалистический патриотизм и интернационализм — эти принципы лежат в основе многих сценических произведений, созданных в истекшем сезоне. И какая же прекрасная школа для молодых актеров — участие в этих спектаклях!

Тема Великой Отечественной войны и в прошедшем сезоне, как и в предыдущем, продолжала занимать одно из ведущих мест в репертуаре наших театров. Эта тема находит отражение в драматургии и театрах всех республик. Например, на сцене Киргизского академического театра драмы с

Черновцы. Сцена из спектакля «Я, бабушка, Илико и Илларион».

Харьков. «А зори здесь тихие». Е. Черник в роли Риты Осяниной и В. Высовень — старшина Васков.

соломинка, но сколько же мужества в нем, какая готовность постоять за друзей! Бесстрашное сердце и доброта, отзывчивость и мягкость... И какая-то неизбывная печалинка в глазах даже в минуты веселья. Может быть, от ощущения собственной непрочности, незащищенности... Молодая актриса Л. Игнатенко играет эту роль одухотворенно, без тени сентиментальности, с добрым юмором относясь к своему горю. И вот что особенно интересно: соломинка эта с литовского поля, хотя и «прописана» сейчас в Киеве. Есть в поведении молодой актрисы почти неуловимые детали — в пластике ли, в интонационном ли строе образа,— детали, которые напоминают: сказка-то литовская!

успехом идет пьеса Бексултана Джакиева «Судьба отца», где показаны судьбы трудовых людей Киргизии в годы войны и послевоенное время.

* * *

Нарушим традицию — не будем извиняться за то, что в заметках о прошедшем сезоне не исчерпано все необъятное море премьер...

Сезон закончен. Многие театры уехали на гастроли, иные ушли в отпуск. Но и во время гастролей, наверное, будут репетироваться «юбилейные» спектакли; и в отпуске люди, отдающие театру жизнь, будут читать и перечитывать пьесы юбилейного года.

ПУТЕВКА № 1

Семиклассник Борис Нищета получил путевой лист № 1, поднялся в кабину тепловоза и занял свое место помощника машиниста. Евгений Бутрим — машинист — переглянулся с ним, и над станцией «Пионерская» под восторженное «Ура!» тысяч мальчишек и девчонок взвился звук тепловозной сирены. Родилась еще одна детская железная дорога — Донецкая малая.

...Набирает скорость пассажирский поезд, его провожают тринадцати- и четырнадцатилетние дежурные, диспетчеры, а в открытых тамбурах замерли с желтыми флажками в руках юные проводницы. Целый год обучались пионеры на специальных курсах железнодорожников. И возможно, что путевой лист № 1, выданный в день открытия пионерской дороги, станет для многих из них путевкой в жизнь.

Дорога эта спроектирована и построена на общественных началах: тысячи шахтеров, металлургов, химиков, пионеры и комсомольцы трудились здесь в выходные дни.

На снимке: почетный железнодорожник Дмитрий Алексеевич Суслов со своими питомцами Светой Поспеловой и Женей Курапиным.

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Г. Навричевского.

КОНКУРЕНТ СПИЦ

Когда речь заходит о вязании, сразу представляешь себе клубок и спицы. От способностей мастериц зависит, ровной ли будет вязка, скоро ли увидят свет новые модные изделия. На Ленинградском заводе «Вулкан» решили облегчить и ускорить труд вязальщиц. Там создали портативную ручную плосковязальную машину «Нева».

Вязка на этой машине получается более ровной, красивой, а регулятор плотности дает возможность получать оригинальные рисунки за счет изменения плотности вязания.

Мастерицы знают, как утомительно считать ряды вязанья. Конструкторы предусмотрели и это. Машины снабжены специальными счетчиками рядов. «Нева» имеет также петлеулавливающую иглу, которой можно поднять спущенные петли. «Нева» позволяет за один вечер связать кофточку или свитер.

Не забыли на заводе и о маленьких мастерицах. «Золушка» — так называется детская вязальная машина. На ней можно быстро и просто научиться вязать шарфик, шапочки как для кукол, так и для себя...

И. СЫСОЕВА

На снимке: идет сборка плосковязальных машин «Нева».

Фото Н. Ананьева.

ТАМ, ГДЕ ДУЕТ БАРГУЗИН

Маленькая Лива Хаптухаева, дочь рыбака, которую вы видите на фотографии, только что окончила первый класс. Живет девочка на Ольхоне — это самый большой остров Байкала. Лива и ее друзья очень любят свой Ольхон. До чего же богата здесь природа! Мирно соседствуют друг с другом ковыльная степь и дремучая тайга, а в уютных бухточках летом можно плескаться, словно в теплом море. Ведь солнечных дней на Байкальской Ривьере больше, чем в Сочи.

Уже с малолетства дети Ольхона знают, что такое дружба народов. В одной школе учатся русские и буряты, татары и украинцы. А их отцы вместе рыбачат на Байкале, работают на рыбозаводе в поселке Хужир. За один сезон они добывают и перерабатывают десятки тонн хариуса, омуля, окуня, сороги, щуки.

В поселке Хужир есть школа и детский сад, магазины и столовая, клуб и библиотека. Рыбаки постоянно ощущают тесную связь со всей страной. Круглый год прибывают и отбывают самолеты с местного аэродрома. Частенько посещают Ольхон и туристы из разных уголков Советского Союза, привлеченные красотой острова.

Фото Э. Брюханенко. ТАСС.

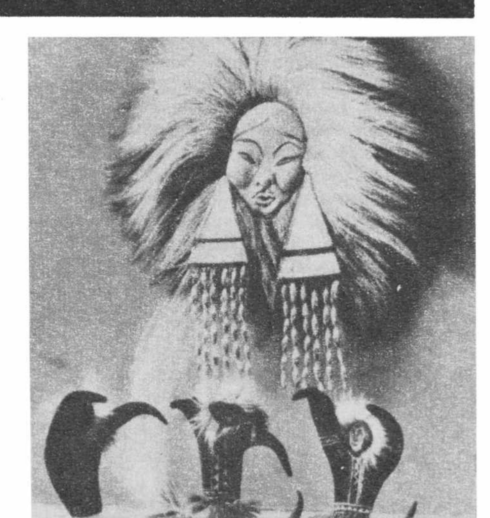
ОТ СТОЙБИЩА К СТОЙБИЩУ...

Валентин Перчун, художник из Норильска, показывал свои произведения и тут же комментировал их.

— Вообще-то я специалист по обработке дерева. Этому учили меня в Ивано-Франковской области, в Косовском художественном училище. Но дерева-то в Норильске нет — кругом тундра. Зато много оленьего рога, меха и, естественно, меди. Сначала я не представлял, как к этим материалам подступиться и что из них можно сделать... Начал ездить по стойбищам. Неделями сидел со стариками и смотрел, как из рога оленя рождаются ручка для ножа или пороховница, а из кусочков меди и меха — красивые подвески. Одним словом, прошел хорошую тундровую школу. Как раз в это время в городе открыли сувенирный цех, и я стал его первым и единственным сотрудником. Потом разыскал способных ребят, установил необходимое оборудование — и дело пошло на лад. Сейчас в Норильске можно приобрести сувениры, которых не найдете ни в каком другом городе! Например, из кусочков оленьего рога собираем фигурку человека, наклеиваем ее на лиственничную дощечку, и получается «Нганасанский танец». А вот «Оленевод», сделанный из пантов. В сувенире «Встреча солнца» использованы обрезки рога и меха разного цвета. Освоили мы и чеканку по меди: делаем целые панно, но по нашим, северным мотивам.

Сувенирный цех сейчас работает на полную мощность, его продукция в магазинах не залеживается.

Б. БОРИСОВ

КИНО

БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ МАЛЫХ ФИЛЬМОВ

Н. ТОЛЧЕНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Интерес к короткометражному фильму во всех его разновидностях, но прежде всего, конечно же, к документальному и мультипликационному, возник в послевоенные годы, породив множество киносмотров, которые успели обрести широкий международный престиж,— таковы, скажем, фестивали в Лейпциге, Кракове, Оберхаузене, Гренобле... Причем у каждого свое лицо, свой, постепенно складывающийся жизненный и творческий уклад, своя программа.

В Кракове нельзя не заметить характерного для многих представленных здесь фильмов стремления выразить самые серьезные, волнующие проблемы сегодняшнего дня, несмотря на явную неравноценность и разноликость короткометражек. С моей точки зрения, XII польский фестиваль, прошедший в стране перед краковским, оказался гораздо более интересным и содержательным, чем IX международный... Не удивительно, что многие премии международного фестиваля остались, как говорится, у себя дома — в Польше. Это было вполне справедливо!..

Чаще всего именно польские фильмы органично соотносились по своему смыслу с фестивальной «заставкой», предварявшей демонстрацию каждой картины. Весьма впечатляюще «заставка» изображает страшный, багрово-черный смерч атомного взрыва... Некоторое время взрыв бушует на экране; пламя неудержимо ревет и гремит, создавая у публики соответствующее настроение. Потом сквозь гул атомной бури неожиданно прорываются какие-то робкие, тоненькие музыкальные звуки, и мы вдруг с некоторым удивлением узнаем начальные ноты краковяка... Они словно утихомиривают смертоносный ураган. А дальше уже следуют первые кадры очередной короткометражки, либо противореча «заставке», либо в чем-то совпадая с нею, как бы сделанные в одном ключе.

Так смотрятся, к примеру, превосходные картины о Вьетнаме: «Огонь» и «Горы, реки, люди» Анджея Бжозовского... Так смотрятся многие польские ленты о второй мировой войне, и среди них прежде всего отмеченный почетным дипломом международного фестиваля фильм Зигмунта Адамски «Лесные» — волнующий рассказ о боровшихся с гитлеровцами героях-партизанах; «Салют для «Гарланда» и «Конвой» режиссера Леонарда Ордо — фильмы о военных кораблях, действовавших на трассе до Мурманска и Архангельска...

Короткий кинорассказ польского режиссера Кристофа Войцеховского «Вышел в ясный, погожий день» запомнился психологической глубиной, мужеством и народностью характеров... На дворе под цветущими деревьями накрывают столы, ставят скромное деревенское угощение; из окна смотрит на собравшихся старая женщина; за стол ее ведут под руки... В скорбной тишине встает мужчина. Помолчав, он говорит, что вот в такой же ясный майский день Ян Стенпиньски, его старший брат, ушел воевать с фашистами. Ушел и не вернулся. Может быть, жив — выпьем за встречу!.. Может, нет в живых — помянем добрым словом...

Характеры яркие и незаурядные, человеческие судьбы, где личность оказывается сильнее обстоятельств,— они-то и привлекают в польских фильмах «Я воздвигаю памятник» Ежи Ярачевского, «Отцы города» Дануты Халладин, «Гидростроительство» Эвы Крук, «Наши знакомые из Лодзи» Кристины Гжичеловской... Здесь документ, факт, выхваченные из действительности и являющиеся непременной основой кинорассказа, в то же время становятся настоящим художественным исследованием жизни... И не случайно всеобщие симпатии завоевал телевизионный польский фильм «Автобус с надписью «Конец», награжденный Гран-при — золотым драконом международного Краковского фестиваля.

Герой этой короткометражки, созданной режиссером Мариушем Вальтером,— студент из Копенгагена, занявший... последнее место в крупнейшей спортивной велогонке мира. Казалось бы, ну чем может заинтересовать этот явный неудачник: худой, замученный, через силу крутящий педали паренек в очках... А он обнаруживает во всех ситуациях гонки такую неизменную волю к борьбе, такое искреннее дружелюбие к окружающим, и такое философски-юмористическое отношение к собственным горестям, что становится всеобщим любимцем... Вот Келлет уже совсем отстал, он дисквалифицирован комиссией. И вот он сидит, пряча от нас унылый взгляд, в злополучном автобусе, замыкающем ожесточенную гоночную мельтешню... Но вдруг нам сообщают, что решение о дисквалификации Келлета отменено: из-за тяжелейших погодных условий его показатели зачтены. Студенту Келлету разрешено продолжать соревнование... И зрительный зал, как один человек, взрывается аплодисментами.

Специальную премию IX международного фестиваля поделили между собою советская картина «Дети нашего века» и югославский фильм «Черные сады» — ленты, совершенно несхожие и по своей атмосфере и по способу творческого воплощения.

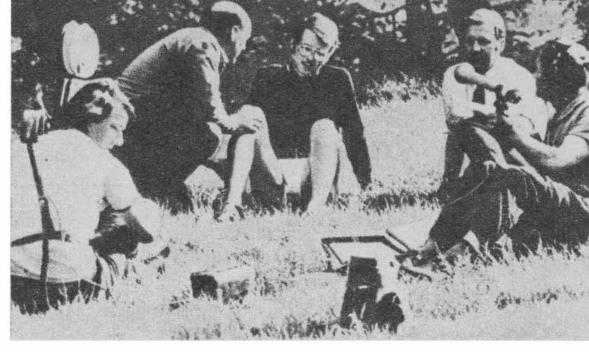
Александр Новогрудский и Игорь Бессарабов предложили зрителям историю революции, историю страны, рассказанную приподнято, трогательно, чисто и одновременно с большим юмором, языком чудесных детских рисунков... Черные же «сады» — это несущие смерть, полные опасностей, заброшенные подземелья, где шахтеры тайком добывают каменный уголь для собственного потребления... Картина, я бы сказала, жестокая и достаточно сильная при всей своей безысходности...

Но вот уж никак не назовешь безысходным фильм польского режиссера Марека Пивовского «Психодрама», награжденный серебряным драконом. Хотя и тут мы увидели жизнь нелегкую, полную острых, болезненных переживаний... Ее героини — юные девушки, совсем еще девочки — репетируют сказку о Золушке. Заглавную роль исполняет прелестное создание с большими темными глазами, полными неподдельной и вовсе не детской печали... Мы присматриваемся поближе к Копчушке (так звучит по-польски Золушка), к ее окружению... И внезапно обнаруживаем, что дело происходит в тюрьме, которую Марек Пивовский показывает как тяжелый, но порою неизбежный результат дурного, безразличного воспитания, распавшейся либо несложившейся семьи... Острота жизненной проблемы и редкостная тонкость художественного решения «Психодрамы» заставляют думать о большом будущем, которое польская кинематография открывает перед молодым режиссером Мареком Пивовским. На XII всепольском фестивале он получил еще одну награду за фильм «Волосы», будто бы веселую, остросомедийную картину, со смехом показывающую забавные эпизоды фестиваля парикмахерского искусства, происходившего в Варшаве... Но нерв картины иной: автор не столько смешит зрителей, сколько высмеивает мещан — поклонников подобных «фестивалей», и вообще воюет с мещанством, пойманным здесь буквально с поличным...

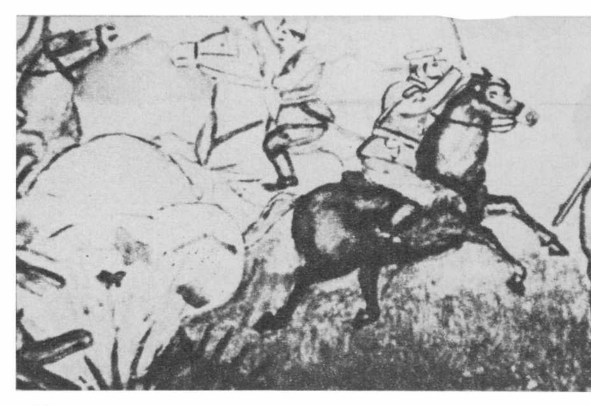
В кинотеатре «Киев» все умели радоваться юмору, все умели поддерживать его — и зрители и жюри. Поэтому-то и получили награды и почетные дипломы фестиваля советская картина «Это не беда» режиссера Я. Бронштейна, венгерская «Уважаемый адресат» Л. Гармати, американская «Сказка о безопасности» Э. Барнаи и другие...

Впрочем, и среди тех картин, которые ничего не получили, на фестивале было, как я уже говорила, немалое количество таких, что вызывали к себе среди зрителей отношение самое доброе: вроде как к тому студенту Келлету, который до последней минуты продолжал борьбу и не падал духом... Их победа в том, что, будучи неравнодушными, они останутся жить в памяти зрителей, а значит, будут незаметно требовать от них такого же неравнодушия к людям, к делу своей жизни...

КРАКОВ.

«Автобус с надписью «Конец».

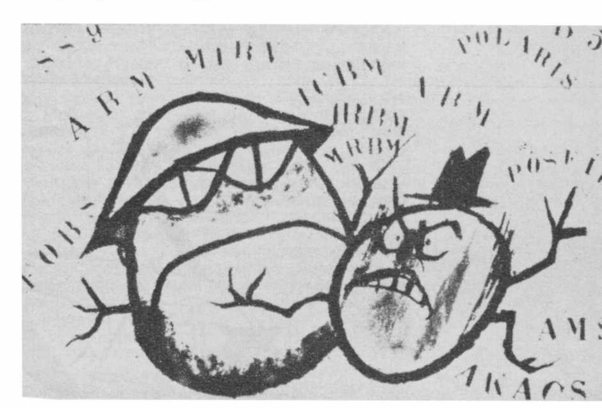
«Дети нашего века».

«Психодрама».

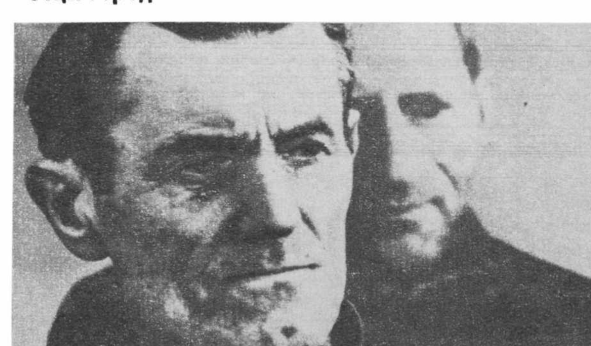

«Горы, реки, люди».

«Сказка о безопасности».

«Отцы города».

Георгий ОСИПОВ

Я жду отвода...

Фельетон

— Отвод, не доверяю!

Эта реплика встречает каждого, кто пытается объективно разобраться в заявлениях Михаила Михайловича, указать ему, в чем он прав, в чем не прав. Но поскольку из десяти эпизодов он не прав в девяти, то все должностные лица, проверяющие его личные жалобы, становятся его личными врагами.

— Критику зажимаете,— петушится он,— посмотрим, чья возьмет!

Михаил Михайлович не доверяет партийной и профсоюзной организациям, где состоит на учете, органам суда, прокуратуры, милиции, дает отводы комиссиям и представителям республиканских и союзных организаций, если они не подтверждают его, Михаила Михайловича, «сигналов», ставит «ультиматумы» горкому и обкому партии.

Что же делать? Может быть, обсудить претензии Михаила Михайловича в ООН или в Международном суде в Гааге? Но где гарантия, что он не отведет и их?

Чего все-таки добивается М. М. Дисковский, водитель-механик Сухумского легкового таксомоторного парка? Закончив заочно в весьма зрелом возрасте автодорожный институт, он добивается должности главного инженера.

— Для начала потрудитесь дежурным механиком или инженером-диспетчером,— увещевает его дирекция.

— Отвод!

— Инженером по технике безопасности, механиком автоколонны?

— Дудки! Только главным инженером.

— Есть должность начальника гаража стройплавотряда. Пятьдесят автомашин, самостоятельная работа.

— Отвод! Месть за критику! Всех разоблачу!

И телеграфисты Сочи (Дисковский не доверяет связистам своего города) отстукивают его очередную депешу в Москву о гонении на ветерана труда, о закулисных сделках и тайных заговорах...

Под прикрытием телеграфного артобстрела Михаил Михайлович задумывает еще одну наступательную операцию. Игнорируя интересы города, соседей, он пристраивает к своей двухкомнатной квартире еще две комнаты, уродует фасад дома, создает невыносимые условия для других жильцов. Имея малую семью и немалую жилплощадь на правах личной собственности, он по фиктивной справке вступает еще и в жилищный кооператив.

Городские власти и жильцы не могут мириться с выходками Михаила Михайловича. Они привлекают его по закону к судебной ответственности. А он хочет, чтобы к суду привлекли городской Совет и соседей по дому. Он «отводит» всех судей города, саботирует судебные заседания, провоцируя вызовы в суд через нарочного. А сам в это время строчит в Москву телеграмму за телеграммой.

«За мои справедливые письма меня усиленно преследуют и хотят любым способом упрятать за решетку... У моей постели днюет и ночует (?!) милиция. Медлительность рассмотрения моих писем и телеграмм играет на руку всем тем, кто старается отвести от заслуженной кары виновников нарушения социалистической законности. Здесь, на месте, они разбираются без моего участия, за моей спиной,— так легче шельмовать...»

На производстве этот «борец за правду» нарушает дисциплину, потакает отсталым настроениям, группирует вокруг себя стяжателей, разгильдяев, аварийщиков, выступает ходатаем по их необоснованным претензиям. Его пытаются урезонить, усовестить, поправить, привлечь к партийной ответственности, наконец. А он, опережая события, выдвигает контробвинения. У него, Дисковского, есть неопровержимая улика о наличии заговора с целью... лишить его жизни.

Откладывается рассмотрение его персонального дела, все озабочены и заинтригованы возможными сенсационными разоблачениями. «Улика» — магнитофонная лента, предъявленная Дисковским и его дружками. Прокуратура Абхазской АССР возбуждает уголовное дело: как же не реагировать на такой тревожный сигнал?!

Ведется тщательное расследование, допрашиваются десятки рабочих, техников, командиров производства. Назначается экспертиза. Эксперты прослушивают запись, пожимают плечами: из магнитофона доносятся нечленораздельные звуки. Зато явственно слышны утренняя перекличка петухов и хлопотливое кудахтанье кур. Предчувствуя «отвод», местные следователи отправляют ленту в НИИ МВД СССР. Московские криминалисты тоже пожимают плечами: заговор кур, петухов?! Пухлый том из пятисот страниц захлопывается: дело прекращается за недоказанностью состава преступления.

Нет, не таков Михаил Михайлович, чтобы сдаться. Убедительности ради под каждой жалобой он ставит подпись: «Ветеран труда, боевой офицер, старый, испытанный коммунист». Скажите, кого в нашей стране оставят равнодушными такие слова?

Итак, в новую авторитетную комиссию по проверке «сигналов» Дисковского горком партии включает и самых уважаемых в республике ветеранов труда, и старых, испытанных большевиков, и заслуженных боевых офицеров, членов городского и областного комитетов партии, представителей народного контроля, юристов, журналистов.

Комиссия скрупулезно исследует каждый факт, изучает материалы дела, беседует с «противниками» и сторонниками Михаила Михайловича. Увы, его «сигналы» состоят из наветов, сплетен, выдумок. О подлинных недостатках в работе автотранспортного предприятия комиссия больше узнает из откровенных разговоров с рабочими, представителями администрации, партийной и профсоюзной организаций. Их аргументация ясна, проникнута заботой о производстве, а «аргументация» Дисковского продиктована личными, корыстными целями.

Узнав о таком повороте дела, Михаил Михайлович наотрез отказался от участия в разборе его «сигналов», чтобы в очередной депеше телеграфировать: «Здесь, на месте, они разбираются без моего участия, за моей спиной...»

Комиссия шокирована. Человек, именующий себя «ветераном» труда и войны, «испытанным коммунистом», устраивает обструкцию своим же коллегам. И тогда они решают заглянуть в личное дело старшего лейтенанта в отставке М. М. Дисковского. Старые коммунисты и бывалые воины ошарашены. Военная и производственная карьера Михаила Михайловича отмечена не только лаврами и наградами. За годы службы он был уличен и в сплетнях, и в интригах, и в склоках, и в нарушении воинского долга, и в фальсификации документов, за что имел строгие дисциплинарные и партийные взыскания.

За эти и другие проступки аттестационная комиссия несколько лет назад отчислила его вовсе из рядов Советской Армии. Заглянули в его нынешние партийные и производственные характеристики. Но и они пестрят не менее лестными эпитетами и формулировками.

— Ложь, ложь и ложь! — кричит Михаил Михайлович, пытаясь втягивать в орбиту своих склок все новые организации и инстанции, редакции центральных газет.

Уже шестьдесят ответственных должностных лиц и общественных деятелей занимались «делом Дисковского». Подобные «дела» уводят занятых людей в сторону, отвлекают от борьбы с действительными носителями зла, отнимают уйму сил и энергии.

Я, кажется, шестьдесят первый. Я жду отвода, ибо вряд ли Михаил Михайлович когда-нибудь поймет, насколько безнравственны его действия...

«ПОСМОТРИМ, ПОСМОТРИМ!»

Сало ФЛОР,
международный
гроссмейстер

В Бюро ФИДЕ подсчитали и... прослезились. С 1 января по 10 мая было истрачено около трех тысяч долларов на 139 телеграмм. Для безденежной организации эта сумма солидная. Пострадавшая на такую сумму ФИДЕ должна сделать выводы: правила розыгрыша первенства мира следует оформлять самым точным образом, и в будущем не могут допускаться столь длительные переговоры. Но теперь позади период переговоров, ультиматумов, бумажная и долларовая война. Сегодня каждого интересуют не капризы Фишера, а исход матча. Кто кого?

Бориса Спасского, несомненно, ждет очень достойный и опасный соперник. Противник большой практической силы, Роберт Фишер, неудержимый шахматный фанатик, человек, для которого шахматы абсолютно все в жизни, который, как когда-то Алехин, мечтает только об одном — завоевать первенство мира по шахматам, конечно, очень опасен. Но напрасно вице-президент ФИДЕ Р. Мендес (Пуэрто-Рико) пугает Спасского: «Сидеть против Фишера за шахматной доской — то же самое, что отправиться на электрический стул». Практика показывает, что у любого гроссмейстера, сидящего против чемпиона мира, дрожат коленки.

У Фишера есть свой плюс: умение отлично считать до шести, его великолепные результаты в турнире претендентов, конечно, забыть трудно, особенно если старт сложится неудачно для чемпиона мира. Спасский это прекрасно понимает.

Начиная с 1960 года Спасский и Фишер встретились в пяти турнирах, в Буэнос-Айресе победил Спасский. В Санта-Моника Спасский набрал 1,5 очка из двух, в Гаване — ничья, в Зигене Фишер снова проиграл. Таким образом, счет 3 : 0 при двух ничьих в пользу Спасского. Правда, Фишер этому не придает значения и на вопрос журналистов: «На что вы надеетесь в матче со Спасским, которого вам никогда не удавалось победить?» —ответил довольно остроумно: «Ну и что? Ведь Алехин тоже никогда не выигрывал у Капабланки, а матч выиграл...»

Несомненно, что оба гроссмейстера вооружены до зубов и подготовлены к решающей схватке отлично. Фишер последние недели провел в «Гроссингер-Отель» в Нью-Йорке. Там неоднократно к соревнованиям на первенство мира готовились боксеры и другие спортсмены. Иностранные газеты сообщают, что претендент ни на минуту не выпускал из рук сборник партий Спасского. Фишер полностью изолировался и на дверь в своей комнате прикрепил табличку с текстом: «Проходите мимо. Я тоже имею право на спокойную жизнь».

Спасскому 35 лет, Фишеру — 29. Возраст у обоих неплохой! Спасский за последнее время сильно увлекается теннисом. Он признался, что играет плохо, но с удовольствием. Партнером ему может быть Фишер — тоже страстный теннисист и тоже не гроссмейстер ракетки.

Необходимо поздравить маленькую Исландию. В споре со многими большими странами она получила право провести этот матч, который в зарубежной прессе называется посвоему: «матч века», «матч столетия», «матч всей шахматной истории».

Стоимость билета на партию — пять долларов. Расходы у организаторов значительные, но можно полагать, что в убытке Исландия не будет. Читателей, вероятно, интересует, чем же кончилась «долларовая война». Условия для участников матча такие, каких никогда еще не было в матче на первенство мира. Призовой фонд составляет 125 тысяч долларов! Победитель получает 78 125, побежденный — 46 875 долларов. Если матч окончится 12:12, то титул чемпиона мира сохраняет Спасский, а фонд делится пополам — 62 500 долларов.

Но самый важный и интригующий вопрос такой: кто победит? Только одному человеку исход матча ясен — Фишеру, который не сомневается в своей победе. Спасский знает, что у Фишера самые агрессивные намерения и хладнокровно ответил журналистам на пресс-конференции в Москве: «Посмотрим, посмотрим!»

Кто победит: Спасский или Фишер? Мы считаем, что шансы равны. Обоих гроссмейстеров ждет тяжелейшее испытание. Сложная работа предстоит и нам, болельщикам. В течение двух месяцев любителям шахмат предстоят ночные дежурства, ведь результат очередной партии мы будем узнавать по радио около часа ночи.

Результат матча предсказать, конечно, невозможно. Если вспомнить, что из десяти чемпионов мира пять курящих (Стейниц, Ласкер, Алехин, Таль, Спасский) и пять некурящих (Капабланка, Эйве, Ботвинник, Смыслов, Петросян), то шансы равны (Фишер не курит). Но есть один аргумент явно в пользу Спасского. Как известно, Фишер не очень доброжелательно относится к женщинам. Если брать во внимание, что женщина является руководящей силой в нашем мире, то дела Фишера просто безнадежны, ибо в шахматной истории не было случая, чтобы чемпионом мира стал... холостяк!

ГИТАРА У ТЕБЯ В РУКАХ

Наверное, нет инструмента, более популярного в народе, чем гитара. Семиструнная, шестиструнная, она обладает каким-то особым обаянием, будь то в руках совсем молодого любителя музыки, разучивающего песни «с голоса», или серьезного музыканта-профессионала, знакомого с редкими подлинниками Шуберта, Паганини и Баха, писавших в том числе и для гитары.

Но в самой общедоступности инструмента подчас кроется и нечто тревожное. Когда гитара попадает в руки длинноволосых поклонников западной «моды», они беззастенчиво рвут гитарные струны на бульварах и в подворотнях, оглушая все вокруг невообразимой какофонией, не имеющей к музыке никакого отношения.

Все это хорошо знает гитарист Евгений Дмитриевич Ларичев. Свое искусство, свою любовь к творчеству он, артист московской эстрады, умеет донести до слушателей не только манерой исполнения, виртуозностью мастерства. Покоряет еще и какая-то задушевность, скромность и серьезность облика самого музыканта... И все это, вместе взятое, обычно заставляет слушателей Ларичева оценить настоящую гитарную музыку, понять и полюбить ее.

После каждого концерта за кулисы к артисту приходит молодежь. Приходят с одним и тем же вопросом: можно ли научиться вот так же хорошо играть на гитаре?.. Играть, а не лихо бренчать по струнам, не просто кое-как аккомпанировать песенкам.

— Можно,— отвечает Евгений Дмитриевич.

И слово у него не расходится с делом. Вот, например, в московском Строгановском училище группа гитаристов под руководством Ларичева сделала столь большие успехи, что была удостоена звания лауреата на конкурсе имени Андреева. И теперь гитаристы-строгановцы, разъехавшиеся по стране после окончания училища, пишут Е. Д. Ларичеву о том, как их музыка расширяет дальше круг друзей гитары. А между тем, если сказать по секрету, среди них в свое время тоже были длинноволосые менестрели бульваров...

Увлечение гитарой для Евгения Ларичева не случайно... С раннего детства слышал он дома гитарную музыку. Ей было посвящено все свободное время в доме Ларичевых. Но по-настоящему почувствовать, глубоко понять тончайшее и сложное искусство гитарного исполнительства он смог лишь с годами; мастерство пришло постепенно. И главным здесь была встреча с А. М. Ивановым-Крамским. Прослушав игру юноши, известный гитарист предложил ему начать серьезную учебу. Занятия в самодеятельной группе шли под руководством этого мастера. А когда в училище при Московской консерватории открылся класс гитары, Евгений стал студентом курса, где прославленный гитарист, заслуженный артист РСФСР А. М. Иванов-Крамской был преподавателем.

Евгений Ларичев теперь тоже гитарист-профессионал. В его концертном репертуаре произведения Вилы Лобоса, Сора, Тарреги, интересные переложения для гитары музыки Баха, Альбениса, Шебалина, собственные сочинения и обработки народных песен.

Недавно в издательстве «Музыка» вышел его самоучитель для игры на шестиструнной гитаре. Фирма «Мелодия» выпускает большим тиражом пластинки с записями концертов Ларичева. Все это прямо адресовано тем, кто, внимая этой прекрасной, настоящей музыке, захочет и сам постигнуть тайны гитарного мастерства...

Н. ЗЫБИНА

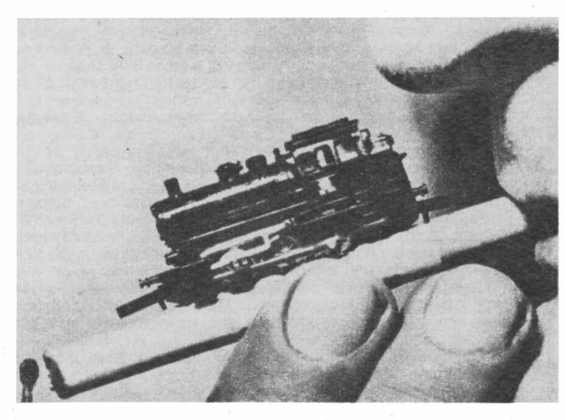

Кети любит животных. У нее дома есть свой небольшой зоопарк. Со всеми его обитателями маленькая англичанка очень дружит. Но чаще всего она предпочитает играть с 2-летней шимпанзе Сюзи, которая отвечает ей любовью и привязанностью.

Кто не знает историю приключений Гулливера в стране лилипутов! Сегодня его двойник рекламирует шины недалеко от центральной токийской улицы Гинзы.

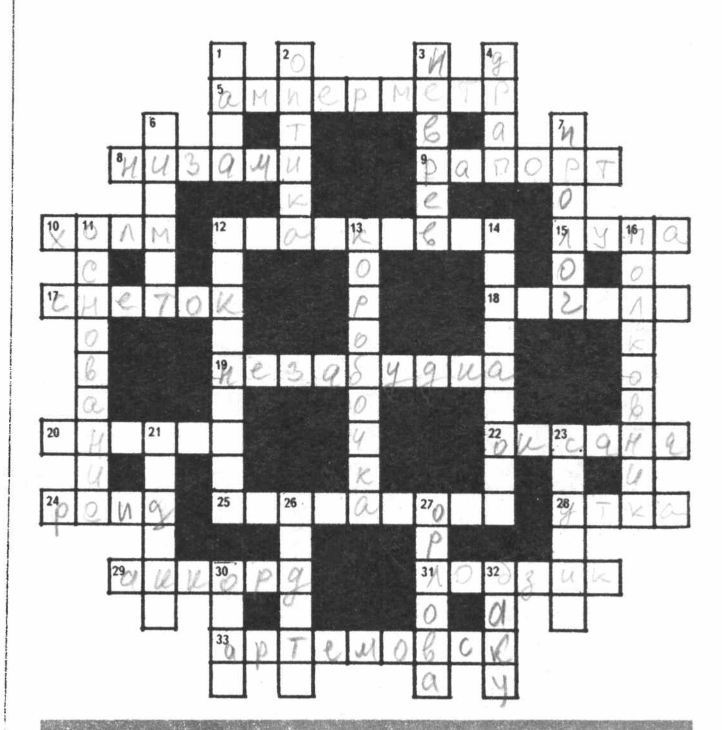
Такой паровоз длиной в ...4,5 сантиметра можно было увидеть в Нюрнберге (ФРГ) на Международной ярмарке игрушек.

Немалое оживление вызвала эта новость в городке Рукуре. Казалось, ничего необычного не произошло: женятся два полюбивших друг друга человека. Но дело в том, что жених — бельгийский гигант Фернан Башлар. Его рост — 2,35 метра, вес — более 200 килограммов. Рост его будущей жены Рене Колен — 1,72 метра. На снимке: счастливые молодожены после свадьбы.

Редкая профессия у 50-летнего Ральфа Биалла. Он ловит зубами... пули. Каждый вечер артист выходит на сцену, и его партнер стреляет в Ральфа через стекло. На фото запечатлен момент этого опасного трюка во время представления в Дюссельдорфе (ФРГ). Шрамы на лице свидетельствуют о том риске, которому подвергается Биалл. Однако страх лишиться заработка и оказаться на улице, очевидно, сильнее.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Прибор для измерения силы электрического тока. 8. Азербайджанский поэт XII—XIII веков. 9. Донесение. 10. Небольшая возвышенность. 12. Русский литератор XIX века. 15. Оптический прибор. 17. Мелкая промысловая рыба. 18. Яркая звезда в созвездии Орион. 19. Цветок. 20. Река в Архангельской области. 22. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Черевички». 24. Прибрежное водное пространство для стоянки судов. 25. Ценное кормовое растение. 28. Водоплавающая птица. 29. Сочетание нескольких звуков различной высоты. 31. Ручной инструмент для выпиливания. 33. Город в Донецкой области.

По вертикали: 1. Приток Кубани. 2. Раздел физики. 3. Русский живописец-передвижник. 4. Ткань для пальто. 6. Химический элемент. 7. Роман Н. Г. Чернышевского. 11. Сторона геометрической фигуры, перпендикулярная высоте. 12. Ассистент боксера. 13. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 14. Порт на Дунае. 16. Воинское звание. 21. Список, указатель, перечень. 23. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 26. Горы в Европе. 27. Киноактриса, народная артистка СССР. 30. Стекловидный камень разных цветов. 32. Столица союзной республики.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 4. «Демон». 8. Фонотека. 9. «Дипломат». 10. Гравий. 11. Сосна. 12. Тугина. 15. Каука. 16. Канюк. 17. Вега. 18. Арка. 19. Бадминтон. 20. Фунт. 23. Куба. 25. Рубка. 27. Стопа. 28. Сарема. 29. Страз. 30. Реестр. 31. Гирлянда. 32. Енакиево. 33. Сазан.

По вертикали: 1. Метафора. 2. «Поединок». 3. Стотинка. 5. Хлопушка. 6. Бомарше. 7. Василек. 13. Душанбе. 14. Антонов. 21. Ударник. 22. Трамплин. 23. «Катерина». 24. Барсова. 26. Астрагал. 27. Сталевар.

На первой странице обложки: Абсолютная чемпионка мира по спортивной гимнастике Людмила Турищева (см. в номере репортаж «В мастерской граций»).

Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Клязьминское водохранилище.

Фото В. Яковлева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 12/VI-72 г. А 00698. Подп. к печ. 27/VI-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1381. Тираж 2 125 000 экз. Заказ № 3076.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Рисунки Ю. Черепанова.

Без слов.

В походных условиях.

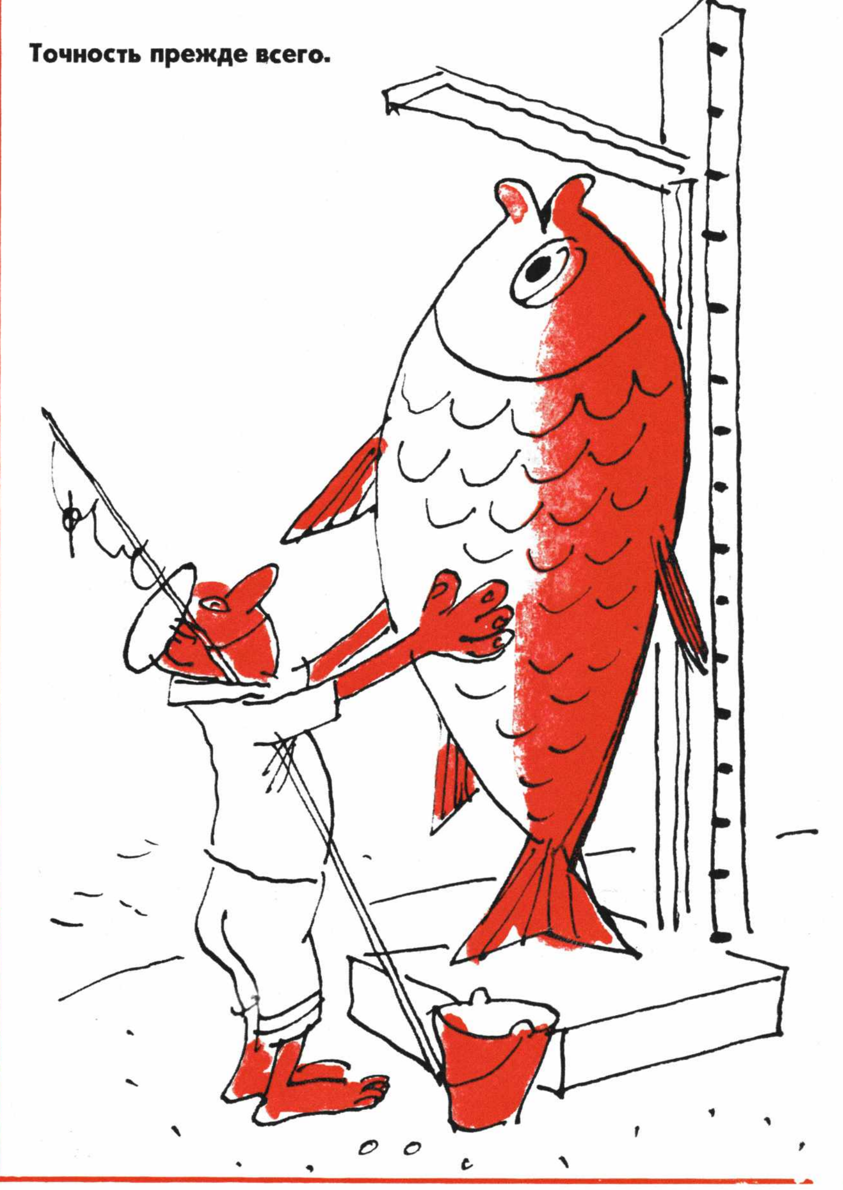
Без слов.

— Я и не знал, что ты собираешь коллекцию бабочек.

Точность прежде всего.

— Ну где же твой улов!

Морская душа.

